

Ирина
ИЗМАЙЛОВА

КРЕСТ
КОРОЛЯ

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера исторических приключений

Ирина Измайлова

Крест короля

«ВЕЧЕ»

Измайлова И. А.

Крест короля / И. А. Измайлова — «ВЕЧЕ», — (Мастера исторических приключений)

ISBN 978-5-4484-7702-7

XII век. Вернувшись в Европу из крестового похода, король Ричард Львиное Сердце попадает в плен к одному из своих врагов. Коварные тамплиеры и их соратники из секты «Рыцари Грааля» стремятся не просто лишить Европу великого воина и монарха. Их цель — уничтожение самой идеи воссоединения христианских народов. А для этого нужна мистическая жертва! Но друзья короля Ричарда — храбрые рыцари Луи Шато-Крайон, Седрик и Фридрих Тельрамунд — не оставили в беде своего сюзерена... Эта книга является продолжением романа «Грехи и подвиги».

ISBN 978-5-4484-7702-7

© Измайлова И. А.

© ВЕЧЕ

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Часть вторая	49
Глава 1	49
Глава 2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Измайлова Ирина Александровна

Крест короля

Часть первая

Изгнанный рыцарь

Глава 1

Тень от облака

Конь оступися, захрапел, прынул в сторону, будто налетев на незримую стену, и, медленно согнув передние ноги, стал заваливаться на правый бок. Стрела, пронзившая его шею, как раз перестала дрожать, когда он тяжело рухнул, смешав красную кровь с горячим, красным песком.

Всадник успел соскочить с седла, однако не отбежал от умирающей лошади. Видя, что агония будет короткой, и не опасаясь быть подмятым и покалеченным, с хладнокровием опытного воина он распластался позади конской туши, приподнял голову над седлом и деловито скинул с плеча колчан. Стрел в нем оставалось две. Да еще была та, что торчала из сонной артерии коня: с большим усилием ее можно вынуть – наконечник едва ли затупился. Три стрелы! В конце концов это не так и плохо, когда есть укрытие. Да и в колчане преследователя, судя по всему, стрел осталось не больше: лишних он не тратил, но стрелять пришлось много...

Преследователь меж тем подскакал почти вплотную. Настигая Селима-пашу, он отлично видел его висевший за спиной колчан и наверняка сосчитал стрелы. Значит, понимает, что тот будет стрелять лишь наверняка. И уж точно не в коня: это преследователю непременно надо взять Селима-пашу живым, а ему, Селиму, вовсе не нужен живой крестоносец, – мертвый куда лучше!

Конь под крестоносцем встал смирно, однако пустить стрелу было некуда: грудь и живот всадника прикрыты прочным железным щитом, голову скрывает шлем, который не пробьешь – сработан отменно, да и надет наверняка на кожаную шапку и кольчужный капюшон. Эх! Если бы не сумасшедшая скачка, что длилась не менее часа, да не солнце, которое, как назло, сейчас против него, Селим-паша постарался бы попасть всаднику в глаз. Шлем был надет до бровей, и нос прикрывала узкая железная пластина, а так лицо открыто, даже бармица¹ едва закрывает подбородок. Выстрел в глаз – и не будет рыцаря, а его конь, крепкий вороной скакун, достанется Селиму-паше и быстро-быстро унесет предводителя «пустынных волков» за темнеющую вдалеке горную цепь, и ищите тогда! Только вот нет больше «пустынных волков» – проклятый рыцарь, с которым и было-то всего семеро воинов, оставил двадцать шесть лучших бойцов Селима среди этой красной песчаной равнины с редкими пятнами побуревшей от солнца травы. Последние четверо «волков», спасая своего предводителя, поскакали в сторону Кизанского холма, почти на верную гибель: на холме находятся христианские дежурные посты, да и до Птолемиады – нынешней столицы Королевства Иерусалимского, оттуда рукой подать. Преследователи кинулись за «волками», и можно было надеяться, что они не заметят, как один из уцелевших исчез среди деревьев хилой рощицы, где кипел бой. Рыцарь, однако, заметил и отлично понял, что уйти от него хочет сам Селим-паша, которого он обещал живым привезти христианскому королю...

¹ Бармица – кольчужный подшлемник, защищавший шею и подбородок воина.

– Лучше не подъезжай ближе! – предупредил Селим, накладывая стрелу на тетиву. – Ты же знаешь, я хорошо стреляю, и сейчас меня защищает труп коня, так что тебе в меня не попасть. А попробуешь объехать сзади, солнце встанет против тебя, да и я успею пустить стрелу, пока ты разворачиваешься. Тебе не взять меня, рыцарь Айдугар!

– Ты и перед смертью не можешь запомнить мое имя? – крикнул всадник и засмеялся. – Я вот помню, что тебя зовут Селим-паша, что твой дядя – эмир Бухары, но ты сам – разбойник и вор. А меня зовут Эдгар, я – рыцарь и сын рыцаря. И если мне очень не повезет, я сегодня привезу королю твою голову. Только вот копья при мне нет, а меча марать не стану – придется найти палку, чтоб на ней получше смотрелась твоя физиономия! Ну а если повезет, я прокачу тебя на своем коне, только не верхом, а как барана – выюком поперек седла.

Он говорил на правильном арабском языке, и это почему-то особенно бесило Селим-пашу: мало кто из христиан так хорошо выучил его язык. Но напрасно крестоносец старается вывести его из себя и заставить прежде времени истратить стрелы. Слишком многое сейчас зависит именно от выдержки. Выдержка – это все, что теперь оставалось Селиму.

– Послушай, Айдугар! – он постарался, чтобы его голос звучал как можно спокойнее. – Тебе не взять меня живым, а возьмешь ли мою голову, мы еще посмотрим! Давай договоримся меж собой. Ты и я – оба храбрые воины, и нам нужно верить друг другу. Я поклянусь тебе священным Кораном, что уеду из этих мест навсегда и больше не причиню беспокойства королю Иерусалимскому. А ты дашь клятву на своем кресте, что не выстрелишь мне в спину. Но перед тем, как уйти, я укажу тебе место, где спрятаны золото, серебро и драгоценности – их там столько, что хватит и тебе, и твоим потомкам. Разве это не хорошие условия?

Он говорил, а сам неотрывно смотрел на небольшое облако, что ползло от горизонта и собиралось вот-вот поравняться с солнцем. Если оно закроет светило хотя бы на несколько мгновений, можно попытаться. Проклятый рыцарь так близко! Да и дыхание Селима уже стало ровнее – наверняка он сможет пустить стрелу прямо в глаз врагу.

– Ты предлагаешь мне в качестве выкупа те деньги и добро, что забрал у паломников, ехавших ко Гробу Господню? – Рыцарь говорил даже без гнева, с одним лишь презрением. – За год твоя шайка ограбила пятнадцать караванов, вы убили не менее трех сотен христиан. И это их деньгами ты хочешь заплатить за свою гнусную жизнь? Я все равно их возьму. Не от тебя, так от твоих трусливых шакалов узнаю, где вы спрятали сокровища. Не забывай: двоих «волков» мы взяли в плен еще вчера. Но эти деньги поступят в казну короля.

– Ты глупец, Айдугар! – теперь Селим-паша уже не мог скрыть злобы, от которой у него на мгновение даже перехватило дыхание. – Твой король и все ваше королевство не продержатся и десяти лет! Вы заключили мир с султаном, но султан скоро умрет, а его брат и все мамелюки давно хотят покончить с вашими погаными гнездами на нашей земле!

– На вашей? – Рыцарь усмехнулся, и в это время его конь, послушный незаметному движению руки, сделал несколько шагов, став еще ближе к распластанной на песке лошади и укрывшемуся за нею разбойнику. – Это когда же она стала вашей-то? Это – земля Господа Нашего Иисуса Христа, а владеют ею всякие нечестивцы! Здешний епископ немало рассказал мне об истории этих мест, и я отлично знаю, что еще триста с небольшим лет назад край этот был христианским. Потом пришел халиф Омар, но он не трогал Святого Гроба и не запрещал молиться возле него, а великий его потомок Гарун даже прислал ключи от Иерусалима императору Карлу². Несколько раз христиане возвращали себе Святую землю, и вы здесь куда меньше свои, чем мы! Слышишь, Селим-паша?

² Император Карл Великий (768—814) действительно получил ключи Святого Города от легендарного Гарун-аль-Рашида, стремившегося сохранять добрые отношения с христианами.

Облако уже почти коснулось солнца, и взгляд сарацина жадно прирос к тени, неотвратимо наползавшей на его убитого коня. Когда она дотянется до седла, можно будет выстрелить...

– Сколько бы ты ни каркал, будет так, как я говорю! – выдохнул Селим. – Вас разнесут в клочья, и вашими потрохами будут лакомиться собаки и шакалы! Я знаю: у тебя есть жена, а недавно родился сын. Тебе не хочется уехать отсюда, пока не поздно? Лучше принимай мое предложение, Айдугар, или долго не проживешь.

– Ассасинские шпионы знают все и про всех? – спокойно спросил рыцарь. – Я не сомневался, что ты – не простой разбойник. Из-за твоей чалмы торчат уши Старца горы!³ Ну что же, тем правильнее я поступил, гоняясь за твоей шайкой три дня и три ночи. Твоих «пустынных волков» больше нет, а кто из нас проживет дольше, знает только Бог.

– Аллах все знает! – теперь усмехнулся Селим-паша. – Но и я знаю... Знаю, что твоя поганая жизнь не длиннее этой вот тени!

За мгновение до того, как спустить тетиву, предводитель «волков» мог бы поклясться, что рыцарь сидит в седле неподвижно. И невозможно было сообразить, в какую долю следующего мига проклятый христианин вскинул левую руку, прикрывая щитом голову. Стрела ударила в то место, где только что блестел глаз Эдгара, и где теперь тускло отсвечивало кованое железо. Посланная с близкого расстояния, стрела вонзилась в щит и задрожала.

Селим-паша, выдохнув короткое ругательство, выхватил новую стрелу. Но не успел наложить ее и натянуть лук. Эдгар поднял правую руку с давно уже заряженным арбалетом и в свою очередь выстрелил. У разбойника вырвался короткий яростный визг. Нет, рыцарь не стал его убивать, хотя легко мог попасть и в лоб, и в грудь. Железная стрела угодила Селиму в правую кисть и раздробила ее, заставив выпустить тетиву и уронить лук.

– Я тоже следил за этим облаком, – усмехнувшись, сообщил Эдгар. – Почему-то сарацины считают нас всех дураками. На этом и горят... Хватит вопить, Селим-паша! Я всего лишь сломал тебе руку, хотя мне так хотелось бы размозжить твою башку! Вставай. Я обещал привезти тебя к королю. Хотя вряд ли его величество сам захочет беседовать с такой тварью, как ты, ночной вор и убийца!

С этими словами Эдгар, уже не опасаясь, подскакал вплотную к туше коня, на ходу снимая с седла и разматывая длинный аркан. Возможно, усталость этой трехдневной гонки помешала ему заметить неуловимое движение разбойника, или он был слишком уверен в собственной быстроте... Так или иначе, но он опоздал. В левой руке Селима-паши мелькнуло короткое белое лезвие, и кинжал вонзился в шею сарацина, прямо под черным клином короткой бороды.

– Ни-че-го у тебя... не вый... дет!

Эти слова Селим выдавил из себя глухо и невнятно, и в горле у него забулькало, засвистело, вместе со струйкой багровой крови вырвался вздох, и тело «пустынного волка» забилося в конвульсиях рядом с телом его коня.

– Проклятие! – крикнул рыцарь, понимая, что добыча, ради которой он рисковал жизнью, безвозвратно потеряна.

Двадцать раз он имел возможность подстрелить Селима во время преследования, но не сделал этого. Конечно, он не был так наивен и не верил, что вожак «волков» действительно знает, где искать нынешнее логово ассасинов. А припрятанные им богатства и в самом деле выдадут христианам схваченные накануне разбойники. Однако Селим-паша мог бы назвать имена ассасинских шпионов, которые под видом мирных купцов или странников появлялись в христианских городах. Ведь не сегодня-завтра сарацины начнут всерьез готовить новое нашествие на Иерусалимское королевство и на другие государства крестоносцев.

³ Старцем горы назывался предводитель секты ассасинов – самой загадочной и агрессивной панисламистской организации, свирепствовавшей в средние века на Востоке, но распространявшей свое влияние и на страны Запада.

Рыцаря подвела привычка. Обычно приверженцы ислама, как и христиане, не совершают самоубийства, почитая его грехом. Однако у ассасинов все иначе. И если Селиму было приказано умереть, но не выдать христианам важных тайн, то он обязан был это совершить. И совершил, – хотя и цеплялся за жизнь до последнего мгновения.

Эдгар Лионский, рыцарь Креста, вот уже год жил в Птолемиаде, ставшей ныне столицей Королевства Иерусалимского, и нес службу при короле, хотя все это время его тянуло вернуться домой, во Францию. С одной стороны, близость святых мест вдохновляла молодого христианина, но с другой – зеленые холмы и рощи его родины были куда милей здешних сухих равнин, каменистых холмов и накаленных солнцем красных песков. Хотелось вновь увидеть отца, который прислал вот уже третье письмо, спрашивая, когда же отважный сын, сумевший так прославить себе в крестовом походе, приедет в родной замок. Когда покажет старому барону Раймунду Лионскому внука и наследника.

Да, теперь старик барон мог спокойно отписать наследство Эдгару и его первенцу. Год назад его сын отправился навстречу подвигам и приключениям, будучи всего лишь бастардом⁴, однако меч Ричарда Львиное Сердце сделал его рыцарем, дав право законно носить родовое имя и унаследовать титул отца⁵.

Хорошо бы отправиться во Францию! Обнять отца, повидаться с молочным братом, графом Луи Шато-Крайном, подбившим некогда простого кузнеца из Лиона поехать к святым местам и отвагой своей доказать, что не зря в его жилах течет кровь прославленного рыцаря, героя Первого крестового похода Эдгара из Оверни...

Луи теперь состоит при дворе короля Филиппа-Августа. Он тоже стал знаменит во время осады Птолемиады, или Сен-Жан д'Акры, как ее чаще называют христиане. Однако по мнению надменного Филиппа, этого оказалось недостаточно, чтобы отдать Луи руку сестры короля – принцессы Алисы. Ох, дождется же Филипп-Август, что вообще ни за кого не выдаст сестрицу! Отказался от нее Ричард Львиное Сердце, предпочтя чернокудрую Беренгарию Наваррскую, не жаждали ее руки ни овдовевший недавно герцог Бургундский, ни даже маркиз Тирский. И не потому, что девушка была чем-то плоха (уж в дурнушку или дуру Луи бы нипочем не влюбился!). Но, увы, Алису преследовала худая слава: многие болтали о ее незаконном союзе с ныне покойным королем Генрихом Вторым, отцом короля Ричарда. К тому же все понимали, что никакого королевства Алиса не наследует, да и вообще за нею вряд ли стоит ожидать хорошего приданого. И потому для короля Филиппа имело бы смысл выдать ее за графа Шато-Крайона – тут тебе и знатность рода, и воинские подвиги, и молодость – Луи, как и его другу Эдгару шел теперь двадцать второй год. Но главного, что так любил король Французский, у Луи не было: он не нажил себе в крестовом походе сказочных богатств. Так, горсть – другая золота да хорошее оружие, но разве этого хотел бы от будущего родственника златолюбивый Филипп?.. Вот и служит ему Луи, стремясь, все-таки добиться руки дамы своего сердца. Ну а если уж король вконец заупрямится, тогда (кто-кто, а Эдгар знает своего молочного брата!) можно будет и увезти Алису, чтобы тайком с нею обвенчаться. Принцесса тоже любила графа и не желала слышать ни о каком ином замужестве.

Раздумывая обо всем этом, рыцарь Эдгар неторопливо ехал вдоль Кизанского холма, за которым уже начиналась Птолемиадская долина и шла дорога, ведущая к городу.

Как ни огорчен был молодой воин своей неудачей, он не позволил себе ослабить внимание. Именно здесь промышляла в последнее время зловещая шайка «пустынных волков», опустошавших окрестности столицы. Правда, теперь «волки» уничтожены. Но от шайки мог остаться еще небольшой отряд, а во-вторых – вдруг тут есть и иные разбойники? Что сарацинам (даже – самым мирным) доверять нельзя, рыцарь понял уже давно. Поэтому он ехал, вни-

⁴ Бастард – незаконный сын, не имеющий прав наследства.

⁵ По закону бастард, посвященный монархом в рыцари, сразу получал право наследовать имущество и титул отца.

мательно оглядываясь и прислушиваясь, а более всего следя за поведением коня. Гнедой красавец по кличке Брандис, подарок старого барона, был очень умен и всегда издали чуял чужих.

За небольшой рощей, куда как раз въехал рыцарь, послышался топот копыт, и Брандис наострил уши, чутко раздув свои роскошные ноздри. Но тут же без понукания перешел со спокойной рыси на быстрый галоп и весело заржал. Так он всегда встречал хозяйку.

Из-за деревьев между тем показался другой всадник и приветственно помахал рукой. Навстречу рыцарю, на черном как уголь, некрупном, но статном арабском жеребце ехал юноша в такой же, как у Эдгара, кольчуге, в таком же круглом шлеме с выступом, прикрывающим переносицу, с таким же арбалетом и мечом у пояса. Из-под шлема весело глядели большие карие глаза, на свежих, как абрикосы щеках играл румянец.

Всадник как всадник. Но и рыцарь, и его конь отлично знали, кто это на самом деле.

– Что случилось, Мария? – воскликнул Эдгар, подъехав к жене и обнимая ее. – Куда это ты отправилась одна? Это же опасно!

– Ну что ты! – Она поцеловала рыцаря и залилась краской, будто не была уже больше года за ним замужем. – Дорога отсюда почти что видна. Разбойников вы перебили – твои воины вернулись в город еще утром. Но они рассказали, что ты в одиночку поскакал за главарем «пустынных волков», и я подумала – тебе может понадобится оруженосец.

– Сумасшедшая! Вот сумасшедшая... Неужто даже после рождения нашего Анри ты не образумилась? Чего ради так рисковать?

Но притворная суровость его голоса не смущала женщину. Она знала, как муж любит ее, и нет-нет да пользовалась этим...

– Я волновалась, Эдгар. И вижу, что не зря! У Брандиса седло в крови, и на твоей кольчуге тоже кровь.

– Не моя.

– Слава Богу! Но все равно мне было не по себе. Что же, ты не догнал этого Селима-пашу?

– Догнал. Но проклятый ассасин предпочел зарезаться, лишь бы не попасть в наши руки. Послушай, а с кем ты оставила малыша?

Мария улыбнулась, на ее щеках мелькнули лукавые ямочки. Когда Эдгар их видел, ему почему-то всегда хотелось тронуть их пальцем. Что он и делал постоянно.

– Анри остался с кормилицей и с королевой. Для Изабеллы он прямо как родной. Поедем домой, да? Не печалься!

Ее ласковый голос и взгляд почти совсем сгладили огорчение рыцаря. У Марии был невероятный дар: она умела понимать лошадей, собак и птиц, и они тоже понимали и слушались ее. Порой Эдгару казалось, что жена умеет читать и его мысли. Во всяком случае, она часто говорила вслух то, о чем он думал.

– Поедем, – рыцарь отпустил, наконец, талию жены и усмехнулся, подумав, как это выглядит со стороны – объятия двух воинов в кольчугах! Бр-р-р! – Поедем, «малыш Ксавье», мой верный оруженосец. Если твое чутье подсказало тебе, где меня встречать, то мое чутье сейчас говорит, что я вот-вот могу понадобиться королю.

И он вновь пустил Брандиса вскачь, зная наверняка, что Мария от него не отстанет.

Глава 2

Королевство Иерусалимское

К полудню песок так накалился под неистовыми лучами солнца, что стал, казалось, жечь даже копыта коня. Во всяком случае, породистый и рослый рыжий жеребец, хотя и утомленный двухчасовой скачкой, не сбавлял хода. Когда же в дрожащем сиреновом мареве расплавленного горизонта прорисовались контуры зубчатой стены далекого города, скакун пошел еще быстрее, торжествующе раздувая ноздри и раскидывая вокруг себя клочья пены.

Всадник, уставший почти так же, как его конь, перестал его прищипывать, доверившись силе и упрямству прекрасного животного – раз тот завидел цель пути, то домчится туда без понуканий.

На коне были простые, но очень добротные, европейской работы седло и сбруя, на всаднике – тонкая, прочная кольчуга, немецкий шлем-шляпа, а на плечах, поверх кольчуги – белый плащ тонкой шерсти. Оружие состояло из привешенного к поясу боевого топора с длинной рукоятью, кинжала в дорогах восточных ножнах и большого лука, притороченного слева к седлу с таким расчетом, чтобы его можно было в одно мгновение отцепить и вскинуть. Колчан был за спиной всадника, и достать из него стрелу он мог с не меньшей быстротой. Размеры лука, его толщина и основательность говорили о силе воина не меньше, чем тяжесть его топора – чтобы натянуть такой лук нужна была по-настоящему могучая рука. Зато щит, что висел на правой стороне седла, был небольшой и не вытянутый, как обычно у рыцарей, но круглый – такие носили простые воины. Подтверждением «незнатности» щита было также отсутствие на нем герба либо какой-то эмблемы.

Всадник приближался к городской стене, зорко всматриваясь в линии стен и в высокие стрельчатые ворота, темневшие в одной из башен.

Эти ворота были великолепным сооружением, похожим на небольшую крепость. Огромная центральная внешняя арка как бы нависала над внутренней, которая была почти вдвое ниже и запиралась мощной дубовой дверью. Две боковые, совсем небольшие арки, такой же стрельчатой формы, как и центральная, тоже были закрыты. Над арками высоко поднималась обзорная площадка, обрамленная узорчатыми башенками. Дорога, подходя к воротам, не обрывалась возле них, а сворачивала вдоль массивной стены, далее расширяясь и подступая к другой, более высокой и мощной башне, за которой еще не виднелось, но угадывалось море.

– Остановись, путник! Кто ты такой?

Возглас, прозвучавший с верхней площадки, не заставил всадника остановиться. Тот лишь чуть-чуть натянул поводья, и конь перешел с галопа на размеренный шаг. Стражник, окликнувший едущего на франкском наречии, видимо, решил, что его плохо поняли, и повторил требование по-арабски.

В ответ всадник расхохотался и ответил по-французски, настолько чисто, что стражники не сразу расслышали едва заметный германский акцент:

– Я что, похож на поганого сарацина, что ты переводишь свои слова на их язык, франк? Я понимаю и так и этак, но не могу понять, для чего мне останавливаться и отвечать на твой вопрос до того, как передо мной раскроют ворота? Это что, теперь такое гостеприимство? Или добрые христиане набрались трусости у сарацин, которые храбры только тогда, когда их в десять раз больше, чем противников? Так я один!

– Но ты с оружием! – возразили сверху.

– А я что, должен тащиться по вашей набитой разбойниками пустыне без лука, меча, топора и в чем мать родила!? Так, по-вашему, было бы лучше? Живо отворяйте или будет плохо! Я прямо из Дамаска, от султана, и у меня письмо к королю Иерусалимскому.

Центральные створки медленно, неохотно раскрылись, как раз в тот момент, когда нетерпеливый всадник уже почти наскочил на них, не желая вновь натягивать поводья. Конь заржал и миновал ворота, сердито грызя узду и вскидывая передние ноги, будто спешил вновь пойти галопом. Однако теперь приезжий остановил его.

Перед ним стояли четверо воинов в простых доспехах, которые отличали, однако, некоторые необычные для христианской одежды особенности. Поверх длинных, до колен, кольчуг были надеты светлые халаты нараспашку. Шлемы, обмотанные тюрбанами, выглядели, по мнению приезжего, еще смешнее. Однако он отметил, что прикрывающая железо ткань хоть немного, но защищает от солнечных лучей, не давая железнякам слишком сильно накаляться.

Стража состояла из восьми человек: еще четверо франкских воинов – тоже в кольчугах, но без шлемов – сидели на широкой паперти, идущей вдоль внутренней стороны стен. Воины кидали кости, не без любопытства поглядывая в сторону въехавшего в ворота странника.

– Так назови, наконец, свое имя, приезжий! – проговорил стражник, чей шлем с насечкой и меч в более богатых ножнах выдавали старшего. – И, может быть, ты сойдешь с коня?

– С коня я сойду перед королем, – спокойно ответил приезжий. Я – барон Фридрих Тельрамунд, рыцарь Креста, подданный императора Генриха. Приехал в Дамаск с поручением к султану, а из Дамаска в Акру – с письмом к королю Анри. По сути, тоже Генриху, но ведь по-франкски Генрих звучит «Анри», да? Ведь так, франки?

Начальник караула пожал плечами и промолчал, однако один из игроков в кости, подняв голову и еще раз оценивающе осмотрев приезжего, небрежно ответил:

– От того, что германцы чихают, называя имя своего императора⁶, он, дай Бог, не подхватывает насморк? А кто ты такой будешь? Откуда прилетела столь важная птица?

– Вам-то какая разница? – пожал плечами барон, презрительно не заметив оскорбительного тона француза. – Вас для вида поставили охранять эти ворота – мол, христиане тут хозяйева. Это когда по всей Палестине шныряют банды сарацин и чувствуют себя как дома! Их вы небось охотнее сюда пропускаете, да? Вдруг да обидится султан..! Так что вам за дело, кто я такой? Тут у вас и сам дьявол с рогами проедет, а вы своих задов от земли не оторвете!

Сквозь густой загар всех восьмерых франков проступила багровая краска. Руки сами собой дернулись к оружию, но грозный вид всадника не внушал желания ввязываться в драку.

– Я поехал! – бросил он, не спрашивая позволения. И тотчас дал шпоры коню.

Стражники едва успели шарахнуться в стороны, как рыжий жеребец, взметнув тучу пыли, пролетел меж ними и прежним стремительным галопом понесся по идущей от ворот улице. Спрашивать дорогу приезжий не стал – он и сам догадался, как проехать ко дворцу короля Иерусалимского. От ворот вела только одна широкая и достаточно прямая улица, в конце которой виднелись высокие стены с зубчатыми башнями.

Дворец находился, как ему и положено, почти в самом центре цитадели, однако облик у него был далеко не царственный. Здание было возведено сотню лет назад в достаточно суровом и сдержанном стиле, хотя завоевавшие Палестину крестоносцы тогда еще имели довольно средств на строительство. Кроме того, дворец сильно пострадал при штурме и захвате Акры войсками Саладина. И почти не был обновлен за последний год, когда Королевство Иерусалимское вновь (по крайней мере внешне) стало существовать, и сюда, в Акру, была перенесена из Иерусалима столица. Поврежденные огнем части стен, разрушенные зубцы башен, обвалившийся при пожаре восточный портал так и не были восстановлены. Правда, со стен кое-где свисали полотнища с гербами, а над центральной башней развевался королевский флаг, однако запустение и бедность от этого лишь сильнее бросались в глаза.

⁶ Если по-французски имя «Генрих» произносится «Анри», то по-немецки оно звучит «Хайнрих». На это, с точки зрения француза, «чихающее» произношение и намекает приезжему стражник.

Здесь, возле входа, тоже стояла французская стража. Эти воины не бездельничали и не кидали кости. Все были при оружии и в шлемах, хотя немилосердная жара заставила стражников отступить в тень центрального портала, оставив широкую лестницу свободной. Опасаясь вызвать неудовольствие короля, они не посмели накрутить тюрбаны поверх шлемов, а на кольчуги натянуть халаты.

Всадник осадил коня и, когда один из стражников подошел к нему, чтобы задать вполне понятные вопросы, прибывший нетерпеливо бросил ему поводья, точно то был его оруженосец. Растерявшийся француз даже не подумал протестовать, меж тем как приезжий назвал себя и, не дожидаясь ни ответа, ни позволения, взбежал по ступеням дворца, на ходу отстегивая ремень под шлемом и стаскивая его вместе с обжигающей подбородок бармицей.

Открывшееся теперь лицо путника внушило стоявшей в портале страже не меньшую осторожность, чем его мощное оружие. Хотя, казалось бы, ничего особо устрашающего, а уж тем более неприятного в его облике не было. Его вполне можно было назвать красивым. Вытянутое, худощавое, так что слегка обрисовывались даже ничуть не выступающие скулы, это лицо было достойно резца древнего скульптора – из тех, что ваяли в то время, когда умели отражение души передавать в мраморе. Высокий, чуть скошенный лоб, густые, но ровные брови, должно быть, от природы темные, но сейчас совершенно выгоревшие, отчего еще выразительнее казались большие карие глаза под неожиданно пышными ресницами. Нос начинался прямо ото лба – почти без переносицы, с точеной небольшой горбинкой. И рот, маленький, волевой, упрямый, над еще более упрямым, крупным, тяжелым подбородком. Лицо, в котором воплощалась вся жесткость и стремительность этой несокрушимой натуры, и взгляд, летящий впереди идущего, стальной и неотвратимый, как лезвие.

– Я приветствую тебя, великий король Святой земли, по которой так нагло ползают сарацины! – проговорил приезжий, выходя на террасу, где расположился король. А затем добавил, уже без церемоний, совсем другим, усталым и теплым голосом: – Здравствуй, Анри! Ты меня узнаешь?

Его величество король Иерусалимский Анри, еще год назад бывший графом Анри Шампанским, сидел в кресле, под полосатым навесом, задумчиво отрывая крупные черные виноградины от огромной грозди, свисавшей с серебряного блюда, которое он держал на коленях. Одежда короля вовсе не блистала ни восточной, ни европейской роскошью. На нем, кроме темных холщовых штанов, вправленных в короткие сапоги, была лишь простая белая рубашка да широкий без рукавов плисовый кафтан⁷, распахнутый на груди. Голова оставалась непокрытой. Густые, светлые, будто лен, волосы, за минувший год заметно отросшие, кудрявились до плеч, обрамляя загорелое лицо, на котором блестели голубые глаза. Рядом с креслом стоял слуга, как показалось вошедшему – мальчик лет десяти, коричнево-смуглый, облаченный в белые шальвары, синий короткий жилет и чалму из драгоценной арабской парчи. Он мерно покачивал над головой короля опахалом из павлиньих перьев.

Увидев приезжего, Анри Иерусалимский вскочил так стремительно, что головой едва не вышиб опухало из рук слуги.

– Вот это да! – завопил он, бросаясь к гостю и без церемоний заключая его в объятия. – Да чтоб у меня глаза полопались! Фридрих! Жив!? Ах ты, старый бродяга!

– Старше я тебя только на пять лет, франкский забияка! – весело отозвался гость, отвечая хозяину не менее крепкими объятиями. – А тебе, вроде бы, в этом году тридцать исполнилось?

⁷ В XII веке от Рождества Христова европейская одежда сильно отличалась не только от современной, но и от более поздней, на которую обычно ориентируются, описывая это время. Собственно того, что теперь принято называть кафтаном, камзол, платьем, штанами, – не существовало, а у предшественников этих видов одежды были свои названия, знакомые только специалистам по истории костюма. Поэтому автор не станет утомлять читателя непонятными словами и лишними сносками, поясняющими, что это такое, а будет называть предметы раннесредневековой одежды более привычными терминами, более или менее к ним подходящими.

Но вот ты уже король, а я как бродягой был, так и остался. Даром, что барон. Ну, здравствуй! Как же я рад тебя видеть!

– А я? – Анри чуть отстранил от себя германца и, улыбаясь, рассматривал его. – Мне уж думалось, что тебя нет в живых... А ты такой же, как и прежде. Говоришь, я теперь король? Вроде бы да, но только в этом самом Иерусалимском королевстве я не раз вспоминал свою богатую Шампань, свои прекрасные замки в Труа и в Провансе. Нелегко здесь жить и править, ох, как нелегко, Фридрих!

Что правда, то правда, отважному графу Анри досталось королевство с самой тяжелой судьбой и, как он отлично понимал – с весьма смутным будущим. Договор, около года назад заключенный между султаном Салах-ад-Дином и предводителем Третьего крестового похода английским королем Ричардом Львиное Сердце, предусматривал сохранение Королевства Иерусалимского. Однако сам Иерусалим оставался в руках мусульман, хотя христианские паломники и могли теперь свободно в него въезжать, чтобы поклониться Гробу Господню. Столица, перенесенная в Сен-Жан д'Акру, охранялась мощным гарнизоном, но за ее пределами королевство было подобно лесу, в котором рыскали хищники. Многочисленные разбойничьи шайки сразу после отъезда короля Ричарда из Святой земли наводнили ее, будто столетие назад, и – то ли с ведома Саладиновых мамелюков, то ли не спрашивая их разрешения, – напали на оставшиеся за христианами земли, разоряя и опустошая их. Правда, соседней Антиохии доставалось куда хуже, чем Иерусалимскому королевству – король Анри умел внушить страх даже самым наглым сарацинским шайкам, и они не смели вторгаться в города и селения, зная, что непременно поплатятся за это. Но караваны они грабили и здесь, а паломников, посещавших Гроб Господень, обирали и убивали с особенным наслаждением.

Рассудительный Анри Шампанский и не взошел бы никогда на престол страны, чье положение было до такой степени неопределенным и где даже бороться с грабителями и убийцами можно было, только испрашивая на то разрешения («А не твои ли, высокочтимый султан, верные слуги, часом, перерезали глотки мирным путникам? А не будет ли твоего милостивого соизволения их за это перебить?»). В душе у Анри было довольно честолюбия, и нельзя сказать, чтобы мечта прибавить к графскому титулу сверкающий королевский сан не щекотала его воображения, но он умел трезво оценивать обстоятельства и понимал, каким беременем окажется иерусалимский венец, а главное – каким двусмысленным будет положение такого монарха.

Однако судьба распорядилась таким образом, что у графа не оказалось возможности отвергнуть предложенную ему честь.

Когда в 1187 году Иерусалимское королевство пало и Святой Город был взят громадной армией Саладина, тогдашний король Гюи де Люсиньян – счастливчик, незадолго перед тем получивший королевский трон в качестве приданого, – оказался пленником султана, вместе со многими христианскими рыцарями и воинами. Большинство этих отважных защитников Иерусалима было жестоко убито по приказу Саладина. Правда, перед тем им предложили принять ислам и спасти себя от гибели, но никто на это не согласился. Пощады удостоились лишь магистр ордена тамплиеров Жерар де Ридфор⁸ (чье военное руководство и советы стали основной причиной падения Иерусалима), и молодой король Гюи. Почти все, кому удалось уцелеть в той бойне, были уверены: де Ридфор не оказался военной бездарью – просто он действовал

⁸ Жерар де Ридфор, в 1184—1189 гг. – великий магистр ордена тамплиеров, основанного в конце XI века в Палестине под предлогом защиты паломников-христиан от грабителей. Построенный на месте разрушенного иудейского храма царя Соломона, замок дал название ордену (от французского *le temple* – храм). Спустя сто лет, к тому моменту, о котором идет речь, тамплиеры владели уже более чем сотней замков на Востоке и по всей Европе, обладали огромным влиянием и сказочными богатствами. Об этой загадочной организации существует куда больше легенд и домыслов, чем известно реальных фактов. Ряд исследователей предполагают, что тамплиеры – предшественники масонов, и их организация ставила основной задачей самое расширенное влияние на судьбы мира, для чего использовалось не только колоссальное богатство, но и так называемые тайные знания, то есть, с точки зрения христианина, – прямая связь с сатаной.

на стороне Саладина. Точно так же все были уверены, что милость к королю Саладин проявил не потому, что тот дрогнул и изменил Святому Кресту (Гюи не отличался отвагой, однако ни за что не опустился бы до предательства своей веры). Решение Саладина было продиктовано простым расчетом – доказать христианам, что он не только победоносный, но и благородный: вот же, отпустил их короля!

Пять лет спустя Ричард Львиное Сердце во главе войска крестоносцев выгнал мусульман почти со всех занятых ими христианских земель, но из-за распрей в собственных войсках вынужден был пойти на мирный договор с султаном. Дольше всего тогда обсуждалось, кому надлежит занять иерусалимский трон. Сам Ричард, узнав, как мужественно вел себя в плену обычно робкий Гюи, склонялся к тому, чтобы в Иерусалим вернулся именно он. К тому же Ричард опасался сильнее разжечь вражду между вождями Крестового похода: как бы там ни было, а Гюи оставался законным королем. В этом деликатном вопросе стоит посягнуть на закон – и новым тяжбам, притязаниям, соперничеству не будет конца.

Однако французский король Филипп-Август, с которым Львиное Сердце старался по возможности не ссориться, был против Люсиньяна, так же, как и другие предводители войска крестоносцев. И потому Ричард – при всей своей пылкости достаточно разумный и, когда нужно, даже уступчивый – предложил иное решение: пускай Гюи станет королем незадолго перед тем завоеванного Кипра, а короля Иерусалимского изберет совет христианских вождей.

Выбор пал на бесстрашного Конрада Монферратского, маркиза Тирского⁹. Но короновать избранника крестоносцы не успели. Мусульмане помнили подвиги и отчаянное мужество, проявленное маркизом при обороне Тира, и не допустили его возвышения: Конрад Монферратский был зарезан двумя ассасинами, слугами загадочного и страшного Старца Горы.

Крестоносцам ничего не оставалось, как сделать новый выбор. И на этот раз было названо имя графа Анри Шампанского, героя длительной осады и взятия Акры, а главное – племянника обоих великих королей – и Филиппа-Августа, и Ричарда Львиное Сердце, так что ни один из них никак не мог высказаться против. Что верно, то верно – граф Анри, внук Элеоноры Аквитанской¹⁰, приходился двум королям именно племянником, хотя Ричард был старше его всего на два года, а Филипп – и вовсе пятью годами моложе.

Что было делать отважному рыцарю? Отказаться от великой чести? И это в то время, как жители Тира и Акры оплакивали погибшего Конрада и в тревоге ждали, кого судьба и воля вождей похода сделает их королем? А ведь откажешься – еще подумают, что испугался ассасинов: а ну как и его достанут их вездесущие кинжалы! Нет, граф Анри их не боялся. Он доказывал это не единожды. Словом, Анри Шампанский посчитал невозможным отвергнуть решение двух королей и всех предводителей крестоносцев.

Под торжественное пение женских и детских голосов, в облаках разоженного в глиняных сосудах фимиама, новый король въехал в древнюю Птолемиаду, которую крестоносцы звали Сен-Жан д'Акрой, в свою новую столицу. Въехал с тяжелым сердцем и с душой, полной сомнений. Но выбора у него не было.

⁹ Конрад Монферратский, маркиз Тирский (умер в 1192 г.) – один из героев и вождей Третьего крестового похода. Был избран королем Иерусалимским 5 апреля 1192 г., но короноваться не успел: 28 апреля его убили ассасины по приказу Старца Горы.

¹⁰ Элеонора Английская, в истории чаще называемая Элеонорой Аквитанской (1122—1204 гг.), дочь герцога Аквитании, супруга короля Франции Луи (Людвика) VII, затем, после развода с ним, – супруга наследного принца, а впоследствии короля Англии Генриха IV. Мать Ричарда Львиное Сердце. Одна из самых ярких женских фигур мировой истории.

Глава 3

Злоключения барона

– Однако что же ты встал, будто прилип к полу? Садись! Да-да, прямо в мое кресло, мне сейчас принесут еще одно. Во дворце душно, и я велю подать обед и вино прямо сюда. Ты, судя по пыли на плаще, – прямо с дороги, а стало быть, голоден, как охотничий пес после гонки за оленем.

– Так и есть, Анри, – кивнул, тоже улыбаясь, Фридрих Тельрамунд. – Однако, если уж ты мне настолько рад, окажи сперва королевскую милость: позволь помыться. Я много дней провел в пути, иногда почти сутками не слезая с седла, и конский пот вьелся мне в шкуру, а не то что в одежду. Я – бродяга, но по старой привычке моюсь, едва подвернется такая возможность. Таз и губка ведь не роскошь в королевском дворце?

– Таз и губка? – присвистнул его величество. – Все же ты не знаешь Востока! У меня тут даже бассейн с теплой водой имеется. Можешь влезть туда хоть вместе с конем. Снимай с себя все и вперед!

– Прямо здесь и снимать? – расхохотался Фридрих, однако тут же скинул на перила террасы свой белый, но посеревший от пыли плащ, на котором теперь обнаружился черный равносторонний крест – знак Тевтонского ордена. – Ты не меняешься, Анри де Труа, и это, честное слово, здорово! Даже обидно, что я приехал к тебе по делу, а не просто как к старому другу.

Анри Иерусалимский махнул рукой:

– На то я и король. К королям ездят всегда только по делу. Но все это потом. Лезь в бассейн, а слуги покуда соберут на стол лучшее, что у меня тут есть. Скарлет! – он обернулся к опохальщику. – Быстрее на кухню и скажи, что я оторву ноги повару, если через полчаса не будет готово. Накрывают пускай на террасе, а на вечер приготовят факелы. И еще: притащи-ка в зал с бассейном лучшую из моих рубашек, камзол и какие-нибудь штаны. Только не шальвары, не то барон тебя убьет – он не выносит восточного тряпья!

Малыш невозмутимо уложил опохало на балюстраду террасы, поклонился, аккуратно сложив ладони под подбородком, и чуть вразвалку кинулся исполнять приказ. Когда он обернулся к приезжему лицу, Фридрих приметил, что слуга короля – вовсе не мальчик, а карлик, и ему, верно, уже лет сорок.

Полчаса спустя Фридрих Тельрамунд возвратился на террасу и остановился на пороге, зажмурившись на миг от удовольствия. Под тем же полосатым навесом, где недавно король Анри нежился, лакомясь виноградом, теперь был установлен стол, накрытый с роскошью, достойной прежних пиров графа Анри Шампанского.

Кипрское вино, которое сюда исправно доставляли, и вино местное, темное, как камень гранат, посверкивали в стеклянных графинах, а на полу стояли три или четыре больших глиняных бутылки, из которых можно было тотчас долить вожаделенные напитки. Жареный гусь, обложенный дольками апельсинов и фидами; баранина, сваренная в масле, с приправой из острых трав; печеные голуби, рыба в винном соусе, виноград и маслины, персики, готовые лопнуть от собственной спелости, – все это, поданное на серебряной посуде и нарядно расставленное, могло бы возбудить аппетит и у человека, поевшего не так давно. Барон же утолял голод более суток назад, да и завтраком ему послужила последняя из припасенных на оставшийся переход лепешек, сухая и твердая, как деревянная подошва. Поэтому он, осенив себя крестом, живо уселся за стол и принялся за еду с аппетитом и рвением, достойными молодого здорового мужчины. Однако король Анри, тоже отдавший должное трапезе, заметил, что пьет его гость мало, чаще наливая себе воды из серебряного кувшина, нежели вина.

– Вижу, – проговорил он наконец, – что у тебя ко мне действительно очень важное дело. И притом неотложное, если ты стараешься остаться трезвым, чтобы приступить к нему сразу же после обеда. Я прав?

– Прав, – кивнул Тельрамунд, отбрасывая доглоданную гусиную кость. – Дело и важное, и срочное. Но не думай, что рассказывая тебе о нем, я не буду пить вина. Как раз буду! Я ведь пьянею, если помнишь, куда медленнее тебя.

– Мне казалось, ты вообще не пьянеешь! – рассмеялся Анри. – А ты так мало изменился за те пять... да нет, уже шесть лет, что я тебя не видел... Сказать по правде, я был уверен, что ты примешь участие в крестовом походе, и когда тебя не оказалось ни среди германцев, ни среди англичан, ни среди французов, мне ничего не оставалось, как поверить, что тебя уже нет в живых.

Тевтонец чуть приметно улыбнулся, задумчиво склонив голову, и король Иерусалимский заметил на его правом виске, в густой массе коротко остриженных каштановых волос, белые искры седины.

– Ты ошибаешься, – произнес Фридрих, наливая себе наконец полный кубок кипрского вина, но не торопясь его осушить. – Ты ошибаешься, Анри. Я участвовал в последнем крестовом походе. Я дрался в войске Фридриха Барбароссы, а после его смерти дошел с Генрихом Швабским почти до самой Палестины. Но за пару переходов до нее на наше войско напал большой отряд сарацин. После гибели императора Фридриха они вообще нападали непрерывно. Сперва очень слаженно и очень точно атаквали наши фланги и отсекали по частям отстающие отряды. Можно было подумать, что они наверняка знают, куда мы пойдем, где будем останавливаться, сколько людей в том или ином отряде. Да и проводники вели нас то по высушенной пустыне, где не было ни одного колодца, то по дороге, на которой колодцы почему-то оказывались пустыми. Лошади пали очень скоро. И люди гибли сотнями. Герцог Швабский решил отправить часть войска через Антиохию, уверяя, что там они пополнят запасы провизии и соединятся с основными силами возле Палестины. Но в Антиохии была эпидемия чумы! Почти никто не спасся... Возле самой Птолемиады, когда от стотысячного войска германцев оставалось не более пятнадцати тысяч, сарацины хлынули на нас потоком. Их было тысяч шестьдесят. Они кричали, чтобы мы сдались, тогда всех пощадят. Не сдался никто. Я получил не меньше пяти ранений, но упал лишь тогда, когда сарацинский меч dokonал мой шлем и рассек затылок. Потом можешь посмотреть – волосы у меня густые, но полоска на затылке видна даже сквозь них... Я свалился наземь, а на меня сверху все падали и падали убитые... Видел бы это покойный император! И дернуло же его утонуть в какой-то проточной канаве!¹¹

Гость умолк, неторопливо опрокидывая кубок, и оторвал его от своих губ, лишь когда проглотил последнюю каплю. Анри тоже молчал, не желая торопить старого приятеля и переживая его рассказ. Он неплохо знал историю страшного похода германской армии, когда вначале доблесть и мудрость великого Фридриха Барбароссы обеспечили ей стремительный бросок и успешное преодоление тяжкого пути почти без потерь, а затем гибель императора разом обрела германцев на поражения и гибель.

– Один из моих друзей, молодой франкский рыцарь, утверждает, будто бы Фридрих Барбаросса не утонул в Салефе, – наконец проговорил король. – Он сказал мне, что императора убили ассасины.

– Правда? – Тельрамунд бросил на хозяина быстрый взгляд, и Анри заметил в его темных глазах гневный блеск. – А ведь и я так думал... Но каким образом, дьявол их забери!? Рыжебородый на наших глазах погрузился в воду, и мы своими руками его вытащили.

¹¹ Германский император Фридрих I, прозванный Барбаросса, по-итальянски «рыжебородый» (1128—1190, император Священной Римской империи в 1152—1190 гг.), погиб по пути в Палестину, утонув в водах реки Салеф.

– А мой друг при этом успел заметить на его шее красное пятнышко – будто укус насекомого.

Анри налил вина и себе, и товарищу и продолжал:

– Рыцарь не придавал этому значения, но потом я рассказал ему о тайном оружии ассинов, которое некогда видел, – о трубках с отравленными шипами. А на Кипре этот рыцарь сумел убить одного из этих шакалов, когда тот готовился из такой вот трубки пустить отравленную колючку в шею короля Ричарда. И тогда мой товарищ вспомнил о пятнышке на шее императора и связал все воедино. Жаль, не могу тебя познакомить с этим человеком, ты бы ему поверил, потому что это – славный малый и отважный рыцарь. Его зовут граф Луи Шато-Крайон.

Фридрих опустил кубок, который поднес было к губам, и с сомнением взглянул на короля. Потом расхохотался:

– Ну до чего же тесен наш просторный мир! Ты никогда не сможешь познакомить меня с графом Луи, потому что я давным-давно знаком с ним. И вскоре тебе это докажу. Странно, что при нашей последней встрече он мне не рассказал о своем предположении. Хотя у нас было мало времени... Но если можно, я закончу рассказ о себе, поскольку без этого сложно перейти к делу.

– Давай, давай! – король оторвал часть виноградной грозди и кинул в рот несколько виноградин. – Ты остановился на таком месте, что пока не закончишь, я ни о каких делах слушать не хочу. Что же было с тобой после того, как тебе рассекли затылок, и ты упал?

– Очнулся я ночью. Очнулся от того, что кто-то лижет мне лицо. Это был шакал – он слизывал кровь и, скорее всего, уже подумывал вцепиться в меня. Но я живо разъяснил ему разницу между покойником и живым человеком. Кругом пировали три-четыре сотни таких же тварей, но им хватало добычи. Я сумел перевязать свои раны обрывками одежды и потащился через равнину к горам. Там светились огни селения, однако кто же не знает, что попавшего в плен христианина мусульмане продадут в рабство? У меня было одно желание – уйти подальше от места бойни и либо умереть в одиночестве среди леса и скал, либо как-нибудь добраться до своих. Я верил, что кто-то да уцелел. Иду мимо селения, вдруг слышу отчаянный женский крик. И я, как последний осел, не смог отвернуться и уйти. Оказывается, стая бездомных псов напала на девушку, что шла к колодцу. Собаки – не шакалы: людей не боятся. Меч был при мне, и я отдал этим псам все долги, что не успел отдать сарацинам.

А девушка не убежала. Она подошла ко мне и заговорила. Но я тогда по-арабски почти ничего не понимал. Понял только, что она меня благодарит. И упал без сознания: крови я потерял уйму, а тут еще – эти собаки. Девушку звали Зухра. Она как-то умудрилась притащить меня в свою хижинку и вдвоем с матерью стала приводить в чувство. Но у меня началась лихорадка. Словом, я провалялся у них около трех месяцев. Пока выздоравливал, научился понимать их речь, и мои спасительницы рассказали мне, что множество германских воинов в том страшном сражении были ранены и уведены в плен, а потом проданы в рабство. В их селении таких невольников не оказалось: все здешние жители очень бедны. Зухра с матерью не выдали меня. Наоборот – дали одежду покойного отца девушки, и я в новом наряде вполне сходил за сарацина: лицо загорелое, глаза темные... От этих женщин я узнал, что около пяти тысяч наших во главе с беднягой-герцогом дотащились до лагеря крестоносцев под Птолемиадой. Это было уже не так далеко, и я решил туда добраться. Зухра очень не хотела меня отпускать, но у меня и в мыслях не было... Она, конечно, очень славная девочка.

– Но, надеюсь, девочкой не осталась? – с усмешкой спросил король.

Ответом тоже была усмешка:

– Ты всегда пытаешься казаться хуже, чем ты есть, дружище Анри! Думаю, и ты бы не стал губить шестнадцатилетнюю девчонку за то, что она спасла тебе жизнь. Ведь ничего серьезного там быть не могло. А все, чего мне не хватало, возместила ее матушка. Что так смотришь? Ей

было чуть за тридцать, и груди пышнее свежего хлеба. Зухра об этом так и не узнала. Я ушел от них, едва ко мне немного вернулись силы. Шагал два дня, потом почувствовал, что возвращается лихорадка. А тут на дороге – караван. Сарацины везут в Дамаск всякие товары, и среди прочего – шестерых пленных германцев. Оказалось, парни были ранены в том самом сражении, и их, полумертвых, держали несколько месяцев в каком-то селении, в зиндане¹². Из расчета: умрут – собакам, не умрут – на невольничий рынок. Трудно сказать, что хуже... Семь узников умерли. Эти шестеро выкарабкались. Ну, увидав их, я про лихорадку забыл. И едва кинулся с поднятым мечом на псов-сарацин, как пленники (даром что были в цепях!) тоже на них набросились. Девятерых мы прикончили, человек пять удрали. Кругом – мусульманские селения, полно их воинов. Куда нам деваться? Я сумел разбить цепи на освобожденных германцах. Они были не рыцари, простые ландскнехты¹³, однако в один голос заявили, что умрут в бою, но в плен больше не желают. И мы бы умерли скорее всего, как подобает христианам, однако Господь этого не захотел – решил, видно, что еще пригодимся. Показался другой караван, вернее отряд, притом немаленький. И оказалось, что это возвращаются из плена четыре десятка германских рыцарей, которых жители города Тира выкупили у сарацин.

Тельрамунд на мгновение умолк, вспоминая пережитое. Но тут же продолжил:

– Почти все эти люди были ранены или заболели в неволе, поэтому не могли больше участвовать в Крестовом походе, да у них и не оставалось для этого ни оружия, ни доспехов. Их сопровождала охрана – совсем небольшая группа воинов, а во главе ее был... как думаешь, кто? Французский рыцарь Луи Шато-Крайон! Епископ Вильгельм благословил его сопроводить германцев до христианских земель. Я и шестеро отбитых мною пленников попросили позволения присоединиться к отряду. Луи позволил, не раздумывая, хотя продовольствия у них было немного и вблизи не предвиделось места, где бы он мог эти запасы пополнить. Удивительный парень, скажу я тебе, друг мой Анри! Он видел, что мы, все семеро, еле живы от ран, голода, лихорадки, и приказал своим воинам на первый переход отдать нам лошадей. Потом ухитрился купить у сарацин мулов. А по дороге раздавал из своего кошелька золото, что дал ему в награду за подвиги и доблесть герцог Швабский. Осторожно расспрашивал наших рыцарей, ждет ли их дома родня, да есть ли им, на что жить дальше. И одаривал деньгами. Да как! Со словами: «Не погубите душу бедного рыцаря, дозволейте заслужить Царство Небесное!» Ну как тут не возьмешь? В благодарность за все это я научил его тому искусству, которому так и не сумел обучить тебя: метанию ножа. Это не всем удастся. А у него – просто Божий дар!

– Еще бы! – воскликнул, невольно прервав рассказчика, король Иерусалимский. – Думаю, ты порадуешься, узнав, что с помощью этого искусства Луи и сумел спасти Ричарда Львиное Сердце. Он метнул кинжал в ассасина, когда тот уже готов был дунуть в короля своей ядовитой колючкой.

Фридрих глотнул вина и улыбнулся.

– Он говорил, что мои уроки емугодились, но не рассказал, каким образом. Или поскромничал, или просто не успел. Когда я оказался снова на христианской земле, передо мной опять встал вопрос – куда ехать. Ты же знаешь – я нигде не живу подолгу. И в Германии предпочитаю не появляться. Даже к армии Барбароссы присоединился уже в Венгрии. Кстати, старик меня вспомнил и страшно обрадовался... Бедняга! Но я не об этом. В конце концов мне пришлось в голову податься во Францию – там и по сей день живет одна вдовушка, с которой я нет-нет да проводил свой редкий отдых. Смейся? Ну, не мог я еще сражаться – видел бы ты, каким я вернулся... Только вот на вдовушку и хватало. Ну, пожил у нее немного, потом завербовался в войско герцога Анжуйского. Он как раз вернулся из Крестового похода, в котором ухитрился не разориться, а разбогатеть, и собирался, покуда все добрые христиане воюют

¹² Зиндан – на Востоке – городская тюрьма, зачастую – просто яма, закрытая решеткой.

¹³ Ландскнехты – в Германии наемные солдаты.

за Гроб Господень, потеснить немного соседей. А я хотел только заработать на новые доспехи и коня, чтобы опять отправиться сюда, к Святой земле. В конце концов Германия оставила здесь десятки тысяч не самых худших своих рыцарей и воинов, да и цель, скажу тебе, посерьезнее крысиной грызни французского герцога с соседним бароном!.. Не обижайся. Ты-то был здесь! На доспехи я заработал. Но в битве меня снова ранили. Под колено. В седле не мог держаться месяца два, думал уже, что останусь без ноги. Ничего, прошло. Дальше было еще несколько приключений, о которых рассказывать не стану – у нас с тобой такие случались без числа. Одно слово – меч из ножен и вперед... Ну, услышал, что здесь уже мир. Снова отправился странствовать. Аж до Гардарики¹⁴ добрался. Представляешь? До чего там интересно! Об этом как-нибудь потом расскажу, не то вино у тебя крепкое, а дело еще впереди. Вернулся во Францию. И тут же встречаю... Правильно – нашего общего друга графа Луи Шато-Крайона. Встречаю и узнаю, что ему нужна помощь. Впрочем, не то, чтобы ему самому, но он ведь жить не будет, если не сумеет помочь тем, кто ему дорог. А теперь скажи: ведь при твоём дворе (если только его можно так пышно называть) служит молочный брат Луи – рыцарь Эдгар Лионский?

– Служит, – кивнул Анри. – Только не при дворе. Он – воин и во дворце сидеть не станет. У нас тут – драка не на жизнь, а на смерть, милый Фридрих. Сарацины наглеют с каждым днем, и на мир, заключенный Салах-ад-Дином и королем Ричардом, им ровным счетом наплевать. Тем более что Саладин, говорят, при смерти...

– Так и есть, – кивнул Тельрамунд. – Я только что из Дамаска. Султан почти не встает с постели. Кстати, у меня к тебе письмо от него. Вон, в сумке. Но там просто сетования на превратности судьбы, да еще уверения, что в наскоках его непокорных подданных на твои владения нет его вины. Тем более что Саладин владеет Святой землей как бы пополам с христианами... Словом, хочешь читай, хочешь нет. Может, там и еще что-то есть, я ведь говорю по-арабски неплохо, а читаю скверно. Не хмурься: Саладин сам давал мне заглянуть в свое послание.

– Да я не потому вовсе нахмурился, – отмахнулся король. – Думаю, что если султан отправится к своим курдским предкам, то нам здесь, пожалуй, станет еще тяжелее. Саладин, спору нет, – хитрый мерзавец: ни своих, ни чужих ему не жаль, была бы выгода. Но всю жизнь играет в высокое благородство. Думаю, и перед самим собой тоже. Привык до того, что чуть ли не сам верит! А вот его братец Малик-Адил – тот просто зверюга и не желает быть чем-то иным. А власть-то наследует он. Другое дело что Малик – и полководец никудышный, не в пример Саладину. Да только, чтобы устраивать набеги на наши города и порты, великим полководцем быть не обязательно. А каким образом ты добрался до султана? К нему ведь не всех пускают. И главное – для чего он тебе сдался?

Тевтонский рыцарь поудобнее устроился в кресле и, взяв с блюда персик, осторожно надкусил, наслаждаясь нежным соком, струйкой потекшим в рот. На его лице впервые появилось выражение блаженства.

– Когда кусаешь спелый персик, ощущение такое, будто целуешь женщину. Правда, только в первое мгновение. Для чего мне сдался Саладин? Да уж не для того, чтобы пойти в армию к сарацинам! Даже если я буду подыхать с голоду, я скорее наймусь к кому-нибудь чистить хлев и конюшню, чем стану заодно с этими... Нет, просто у меня было к нему письмо. Его прислал со мной император Генрих. Воспользовался тем, что я так и так сюда еду. Не знаю уж, что за дела у него с мусульманами: письма я не читал, а Саладин не дал мне ответа. По крайней мере, письмо это до поры помогало мне без особых приключений ехать по сарацинским владениям. Но за три дня пути до Птолемиады на меня напал отряд человек в двадцать. Мне даже показалось, что я узнал наших с тобою общих знакомцев.

– Ассасины? – весь подобравшись, король Анри так и впился взглядом в своего гостя.

¹⁴ Гардарики – средневековое европейское название Древней Руси. В переводе – «страна городов».

– Думаю, они. Все их поганые замашки. Напали на рассвете – когда, по их расчетам, я и мой оруженосец должны были еще спать. Перед тем дня два за нами ехали, не показываясь. Но я-то видел по реакции лошадей, что неподалеку всадники. И одежда – как обычно у них бывает: никакая, нипочем ее не запомнишь. И рожи закрыты до самых глаз. (В пустыне все прикрывают лицо, но не так, чтобы даже щек не рассмотреть...) Да и выучка отменная. Как ни быстро я соображаю, а едва не попался. Мы сумели занять оборону возле горного распадка, так, чтобы прикрыть себе спину. Однако пришлось туго. Оруженосец погиб. Мне немного задело руку и бедро. Да не бойся, уже затянулось. На мне ведь, что на собаке...

– А сарацины? – небрежно поинтересовался Анри. – Те, что нападали?

– А что сарацины? Четверо удрали, к сожалению. Остальных, уверен, давно уже доели шакалы. А на что еще они годятся?

Тевтонец нахмурился, еще раз куснул персик и запил глотком вина.

– Плохо, что похоронил я Юргена прямо там, у пригорка. Завалил камнями и на одном из них выцарапал крест. Шакалы не доберутся, а так... что это за могила! Но сюда все равно не довез бы. Кто-то очень не хотел, чтобы я до тебя доехал.

– Но почему? Что за тайну ты мне сейчас откроешь? Тайну, из-за которой могут убить?

Барон пожал плечами:

– Да в том-то и дело, что это на самом деле не тайна. И совершенно непонятно, кто этого так уж боится. Но, как бы там ни было, меня просил об этом Луи Шато-Крайон, а для него я бы сделал и много больше. Ладно, смотри сам! А то я что-то слишком много болтаю...

Глава 4

«Кланяюсь и благодарю...»

После омовения, переодевшись в чистую одежду, Фридрих захватил с собой на террасу только свой кожаный, с серебряными бляшками, пояс, на котором висели драгоценные ножны с кинжалом. Теперь он взял этот кинжал и положил на стол. Ножны были серебряные, кованые, затейливо инкрустированные бирюзой и перламутром. Рукоять казалась чуть ли не одной длины с клинком и была толстой, будто рассчитанной на очень большую руку. Венчавший ее неограненный аметист в серебре был величиною с грецкий орех.

– Эта игрушка осталась у меня с тех времен, когда я еще общался с тамплиерами, – проговорил барон. – Они так привыкли из всего делать тайны, что придумывают их даже там, где можно обойтись без подобных хитростей. Но сейчас этот подарок Парсифаля мне пригодился.

Фридрих осторожно взялся за аметистовый шарик и повернул его. Тот легко отделился, и оказалось, что рукоять представляет собой полую трубку, надетую на стержень. Меж ними оставалось пустое пространство, но сейчас оно оказалось занято – на стержень был намотан кусок бумаги. Барон аккуратно развернул его, разгладил ладонью на столе и протянул своему другу.

– Вот.

– Это от Луи? – спросил король, с любопытством разглядывая необычный тайник.

Тельрамунд улыбнулся.

– Луи кое-как научился читать, но писать пока что затрудняется. Поэтому от него все – на словах. А это – письмо королевы.

Совершенно озадаченный, Анри Иерусалимский взял свиточек и тотчас ахнул:

– Элеонора Английская!

– Вот именно, – кивнул Фридрих. – Элеонора Английская, она же Элеонора Аквитанская или Гиеньская, или, сколько там у нее еще титулов? Но она прежде всего, как я понимаю, твоя бабушка?

– Есть немного! – засмеялся король. – Хотя в это никто не верит. Год назад, когда она уезжала отсюда, я не дал бы ей больше пятидесяти, да и то – если уж придирааться. Но никуда не денешься: бабушка. А я, кажется, начинаю догадываться, о чем пойдет речь. Ричард, да?

– Читай! – уже почти сердито бросил Фридрих и допил свой кубок.

Письмо было написано очень мелко, писавшая знала, что ее послание придется прятать. И король лишний раз подивился, как это женщина шестидесяти семи лет ухитряется строчить такими мелкими буквами, и строчки выходят такие ровные...

«Дорогой Анри! Ваше королевское величество! (Верна себе! “Дорогой Анри” – раньше всяких там величеств!)

Прости, что смею обременить тебя лишней заботой – я хорошо знаю, сколь трудным оказалось твое служение, и как много у тебя дел и без моей просьбы. Я никогда бы к тебе не обратилась, но речь идет о самом дорогом, что есть у меня и, смею думать, о самом главном человеке для Англии. О моем сыне короле Ричарде.

Ты, конечно же, знаешь, что, отплыв год назад из Птолемиады, Ричард так и не вернулся в Англию. Прошел слух о его гибели, тем более что в ту пору, как он совершал путешествие морем, несколько раз бушевали шторма. Какое-то время все пребывали в сомнении, затем уверились в том, что короля нет в живых. Мой младший сын, граф Иоанн, тут же объявил, что наследует престол, и принялся везде и всюду об этом трубить. До поры мне удастся удерживать наших подданных от признания Джонни королем, а Папу Римского – от намерения его короновать. Но долго так продолжаться не будет: этот глупец пытался управлять Англией еще во время Крестового похода, в отсутствие брата и во время моего отъезда. Он наделал

здесь дел... А впрочем, вопрос ведь и не в нем! Я знаю, что Ричард жив, я почувствовала бы, если б он умер. Верь мне, Анри, я не выжившая из ума дура, я действительно всегда чувствовала его и чувствую ныне. Не так давно мне донесли, что тогда, год назад, корабль Ричарда потерпел крушение у берегов Италии, и что оттуда король пытался добраться до Англии через Германию. Там его следы обрываются. Можно предположить, что кто-то свел с ним счеты. Например – обидчивый гордец Леопольд Австрийский, с которым сын не ладил еще при осаде Птолемиады. Но – повторяю – я чувствую: Ричард жив. И если материнское чутье меня не обманывает, то он сейчас в плену, в заточении, и его нужно отыскать.

Преданный ему рыцарь и трубадур Блондель уже не первый месяц бродит по городам, пытаюсь хотя бы что-то разузнать о судьбе Ричарда. Но одному с этим не справиться. Недавно ко мне приехал еще один отважный рыцарь – граф Луи Шато-Крайон. Он тоже не верит в гибель короля и собирается пуститься на поиски вместе с Блонделем. Он же подсказал мне мысль просить помощи у тебя, Анри, потому что при твоём дворе служит молочный брат Луи – рыцарь Эдгар Лионский. Он остался в Иерусалиме на два года, так было условлено. Но я верю, что ради моей просьбы и ради Ричарда ты отпустишь Эдгара к нам. Времени терять нельзя – король может погибнуть! Я редко кого-нибудь молю, кроме Господа Бога, но сейчас умоляю тебя: помоги! Конечно, один человек мало прибавит нам сил, однако если этот человек – рыцарь Эдгар, то все может измениться.

Обнимаю тебя по праву любящей бабушки. Да хранит тебя Господь! Да придаст тебе сил и укрепит твое сердце.

Низко кланяюсь и благодарю, ибо не сомневаюсь, что ты исполнишь мою просьбу.

Элеонора».

Опять без титулов, без лишних приписок. Просто «Элеонора».

Король аккуратно свернул письмо. Пальцы выдали его – задрожали.

– Теперь понимаю, для чего ты ездил в Германию, которую обычно избегаешь, – сказал он Фридриху. – Ты хотел спросить императора напрямик?

– Сперва думал так и сделать, – кивнул барон Тельрамунд. – Но понял, что не услышу правдивого ответа. И приехал просто ко двору, будто бы рассказать о своем участии в походе Фридриха Великого его царственному сыну. Генрих принял меня радостно, если не сказать – восторженно, поведал кучу всяческих идиотских легенд о моих подвигах в походе (кто их только понапридумывал?). Ну а когда я перевел разговор на Англию и подивился, куда же это подевался английский король, император завертелся так, будто ему стул снизу проткнули шилом, да еще горячим! И стал твердить, что у него нет сомнений в гибели Ричарда.

– Ага! – вскричал Анри с торжеством. – Значит, Элеонора права: король жив! И эта скотина Генрих... О, прости ради Бога! Этот ваш величайший император знает, где он!

– Не уверен. – Фридрих вновь осушил свой кубок и снова наполнил его. – Не уверен я в этом, друг мой Анри. Но он действительно знает, что Ричард жив. Видел бы ты, как у него забежали глазки! Самое странное, что мне во всем этом показалось... Понимаешь... Я знаю, что Ричарда Львиное Сердце ненавидит и Леопольд Австрийский (кстати, мой родственник). Но Леопольд – при всей его тупоголовости, заносчивости и прочем, что делает его похожим на индюка, – очень смел, достаточно прямодушен и не хитер. И я не могу понять, как он во все это впутался!

– Во что? – с искренним недоумением воскликнул король. – Королева в своем письме и впрямь предполагает, что Леопольд может быть причастен к исчезновению Ричарда, но она этого не утверждает. Отчего же ты думаешь...?

– Да оттого, – почти резко прервал друга Тельрамунд, – что я ведь был и у герцога тоже. Раз уж Луи попросил меня помочь во всем этом. И я понял: моему троюродному братцу Леопольду известно, что случилось с Ричардом! На его физиономии все видно, как на раскрытой

ладошке. Он даже покраснел, когда я спросил о короле. И особо юлить не стал – не то что Генрих. Говорит: «Услышу, что Ричард умер, только этому обрадуюсь!»

– Вот свинья! – вырвалось у Анри.

– Я подумал то же самое, – усмехнулся Фридрих. – И само собой задал следующий вопрос: «Так, стало быть, ты не знаешь, что случилось с королем?» Леопольд сделался уже неприлично красным, и сказал: «Не знаю и знать не хочу!» Так ошибаются только, когда врут! Только когда врут, Анри! Ведь сам же сказал: «Обрадуюсь, если узнаю», а минуту спустя – «Не знаю и знать не хочу!» Они оба что-то знают – и император, и герцог. Один из них, возможно, знает все. Но то, как они боятся, пожалуй, подтверждает правоту королевы. Будь Ричард мертв, им бы уже нечего было опасаться.

Король Иерусалимский задумался. Конечно, до него долетела весть о том, что великий предводитель Третьего крестового похода так и не вернулся в Англию. Действительно, спустя пару дней после его отъезда из Птолемиады на Средиземном море разгулялись шторма, и многие полагали, что корабль короля пошел ко дну. Несколько других кораблей, на которых плыли его рыцари и воины, добрались до пролива и подошли к британским берегам. Однако никто из уцелевших не мог сказать – куда же девалось судно, на котором был Ричард. Вспоминали только, что в бурю корабли разбросало далеко друг от друга.

Анри Иерусалимский, в отличие от многих вождей крестоносцев, любил знаменитого героя и искренне сожалел о его возможной гибели. Однако ему самому в последнее время приходилось испытывать столько трудностей, так много сил тратить на управление своим беспокойным королевством, – и потому Анри недолго предавался мыслям об исчезнувшем короле.

Теперь королю не то чтобы сделалось стыдно, однако он испытал чувство вины: вот ведь Луи Шато-Крайон, который, как говорят, живет одной надеждой – получить руку любимой принцессы, сразу отозвался на просьбу Элеоноры Английской и готов все бросить, чтобы попытаться разыскать ее сына. Но он хотя бы многим обязан Ричарду. А Фридрих Тельрамунд ему совершенно ничем не обязан. Его долг перед графом Луи, конечно, значит немало, по крайней мере – для рыцаря. И ничего нет удивительного, что ради этого долга отважный немец пустился в опасное путешествие. Но его визит к своему родичу Леопольду Австрийскому и к императору Генриху, – это уже подвиг самопожертвования! Именно графу Анри была очень хорошо известна причина, по которой барон Тельрамунд избегал вообще приезжать в родную Германию, а уж тем более общаться с людьми, которые некогда стали свидетелями его позора. И все же упрямый тевтонец сделал это!

– Я пошлю за рыцарем Лионским! – произнес, поднимаясь, король. – Правда, его уже три дня как нет в городе – гоняется за одним мерзавцем, – то ли просто разбойником, то ли ассасином, от шайки которого в последнее время не стало житья. Но, думаю, сегодня Эдгар Лионский должен вернуться. Его воины прискакали поутру и сообщили, что с разбойниками они разделались – остался только сам Селим-паша, которого Эдгар обещал взять и притащить в город живьем. И я готов поспорить на бочку хорошего вина, что он это сделает!

– Вы проспорили бочку, мой король! Взять-то я его взял, однако поганый ассасин проглотил себе горло кинжалом и ушел от меня к своим предкам, думаю – таким же разбойникам.

Рыцарь стоял в проеме ведущей на террасу двери, устало прислонившись плечом к каменному косяку. Он уже снял шлем и бармицу, и косые лучи низко повисшего над городской стеной солнца освещали его лицо. Светлые, крупно вьющиеся волосы подчеркивали густоту его южного загара и агатовую черноту глаз. Правильные черты казались бы очень мягкими, если бы не взгляд этих глаз – острый, суровый, пристальный. Взгляд человека, за последние полтора года редко отдыхавшего от железной тяжести кольчуги и оружия. Это был уже совсем не тот простодушный кузнец Эдгар, что не так давно покинул родной Лион, отправившись на поиски своей судьбы. Возможно, появившись сейчас здесь барон Раймунд, он не сразу узнал бы своего сына.

– К предкам так к предкам! – воскликнул Анри Иерусалимский, без всяких церемоний подойдя к рыцарю и обнимая его. – Для меня главное, что он не удрал за холмы и не отправился к своему Старцу Горы. Спасибо тебе, Эдгар! Я не сомневался, что ты прикончишь эту змею. А теперь скажи: не хочется ли тебе вернуться в родные места и встретиться с графом Луи, на которого ты так похож, будто вы не только вскормлены одной грудью, но и вышли на свет из одной утробы?

– Я плохо служу вам, государь? – удивленно спросил рыцарь, подумав про себя, что король каким-то образом прочитал его мысли.

– Отлично служишь и сам это знаешь. Но я просил тебя остаться здесь на год, ты же сам согласился служить и второй, так что с моей стороны не совсем благородно дольше тебя удерживать. И твой отец слишком стар – а вдруг не дождется? Но дело даже в ином. Вот этот рыцарь приехал за тобой с поклоном от Луи и с письмом от королевы Элеоноры, моей бабушки. А так как ты, не в пример своему другу, обучен грамоте лучше любого ученого монаха, то прочти послание – и сам все поймешь.

Эдгар взял поданный королем маленький свиток, развернул и быстро пробежал глазами. Его густые темные брови сдвинулись, губы плотно сжались:

– Я так и думал! Я тоже не верил, что короля Ричарда нет в живых.

И тотчас обернулся к барону, все это время не отводившему от него взгляда:

– Кто вы, рыцарь? Откуда вы знаете моего молочного брата Луи?

– Он если и не спас мне жизнь, то помог ее сохранить, – спокойно ответил барон. – А я, как мне сейчас рассказал Анри, оказывается, помог ему сохранить жизнь короля Ричарда. Это от меня Луи научился метать нож. Мое имя – Фридрих Тельрамунд.

Назвавшись, он еще внимательнее посмотрел на Эдгара. И был приятно удивлен: взгляд молодого рыцаря выразил непритворный восторг:

– Боже мой! Самый знаменитый рыцарь Германии! Какая честь... Я – Эдгар Лионский. Фридрих постарался скрыть вздох облегчения, но не сумел.

– Я тоже о вас слышал. И не только от Луи. Ну так как? Поедете со мной к старой королеве?

– К старой? – с недоумением переспросил Эдгар. – Ах да! Все, кто ее видел, так о ней не говорят, мессир Фридрих. А я... Если его величество меня отпускает...

– Его величество не отпускает, а посылает тебя! – Анри Иерусалимский вернулся к столу и жестом пригласил рыцаря сесть рядом с ним и с его другом. – Я посылаю тебя к моей венценосной бабке и прошу передать ей, что умираю от зависти, потому как не могу поехать вместе с вами. Э-э-эх, все, в чем я могу упрекнуть короля Ричарда, – так это мое родство с ним. Не будь этого родства, меня бы не сделали королем, и я мог бы, как прежде, делать то, что мне хочется, а не то, что обязан... Ну что ты уставился на кувшин, мессир Эдгар? Вот еще один кубок – Скарлет, как знал, притащил его сюда. Наливай себе вина и выпьем за ваше предстоящее путешествие!

Глава 5

«Возьми и меня с собой!»

– Но отчего же все-таки его изгнали? И как можно было изгнать рыцаря, который прославился столькими подвигами? Ведь даже у нас во Франции менестрели выучили баллады о нем! А германские миннезингеры¹⁵, я слыхала, и теперь поют их повсюду. Рыцарь, который победил разбойника Берхольца и спас от него целый город! А еще изгнал из святой обители нечестивого барона и заставил освободить из темницы монахов. Я слыхала еще о множестве его подвигов, только не все теперь помню. И вдруг император Фридрих, – который так ценил мужество и доблесть, – обрек этого героя на изгнание?

Мария сидела на краю постели, обсасывая персиковую косточку и задумчиво следя за маленькой летучей мышью, которая прицепилась к резному верхнему карнизу окна и, висела вниз головой, время от времени раскрывая свои перепончатые крылья, будто собираясь лететь, но каждый раз вновь их складывая.

Окно было завешено полупрозрачной кисеей, и сквозь нее проступало темное серебро пропитанного лунным светом неба. Сам диск полной луны прятался где-то над крышей и не был виден, но его сияние наполняло мир. И, как бывает ночами, в которых безраздельно властвует луна, все кругом стихло, заколдованное этим нереальным, призрачным светом. Город замер и молчал. И все, что виделось за тонкой, чуть колеблемой дыханием ветра тканью, выглядело неживым и ненастоящим. Белые плоские крыши и черные силуэты башен крепостной стены. Белая лента улицы, наполовину проглоченная черной тенью дома. Даже при самом ярком солнце не бывает такого невероятного контраста белизны и черноты, как в торжественном, магическом свете громадного лунного диска.

Эдгар привстал, откинув простыню, и потянулся, наслаждаясь чистотой постели и своего тела. Три дня, проведенные в седле, среди песков равнины и заросших пыльными рощами холмов, постоянно прилипшая к телу рубашка, сквозь которую ощущалось обжигающее давление кольчуги, терпкий запах конского пота и пота собственного, тяжесть шлема и боль в глазах, уставших от яркого солнца и от проникающего под полуопущенные ресницы песка. Теплая, с тухлым привкусом вода в разогретой солнцем фляге, которую хотелось осушить двумя глотками, но приходилось с усилием вновь затыкать пробкой – где-то еще колодец и не пересох ли в такую жару? Все это было привычно, но утомляло по-прежнему.

И когда, наконец, удалось отлепить от тела одежду и с головой окунуться в большую дубовую бочку, которую Мария предусмотрительно велела воинам поставить в тень, прохладная вода принесла невероятное облегчение. Из нее вообще не хотелось вылезать. Однако тут же подумалось, что после доброго королевского вина неплохо бы и съесть ужин, а там и добраться до кровати, где уже ждет, свернувшись котенком, жена.

Лунный свет превратил хрупкую фигурку Марии в мраморную статуэтку. Ее кожа блестела и отчего-то пахла жасмином. Темными оставались только падающие на плечи кудрявые волосы, задумчиво устремленные к окну глаза, да кипарисовый крестик, что лежал в ямке меж ее маленьких, сочных, как яблоки, грудей.

– Отчего же его изгнали? – повторила Мария чуть слышно.

– Он не выдержал ордалии¹⁶, – ответил Эдгар, поворачиваясь, чтобы обвить руками талию жены. – И у Фридриха Барбароссы не оставалось другого выхода.

¹⁵ Миннезингеры – в средневековой Германии – музыканты, чаще всего странствующие, сочинявшие и исполнявшие перед знатью или перед народом баллады и песни, обычно повествующие о любви к прекрасным дамам, о подвигах, знаменитых рыцарях и воинах. (Аналогичны трубадурам во Франции, где этот вид искусства возник значительно раньше.)

¹⁶ Ордалия – распространенное в Средние века испытание, призванное, как считалось, установить правоту той или иной

– Ордалии!? – почти с негодованием воскликнула Мария. – Но ведь Святая церковь запрещает это испытание, находя в нем глумление над Божией волей! Разве великий Фридрих этого не знал?

Рыцарь пожал плечами:

– Это все знают. И почти все допускают. Потому что так проще – не нужно утруждать себя, разбираться, кто там прав, а кто виноват. Что называется, взять и свалить на Бога! (Господи, прости меня грешного!)

И он осенил себя размашистым крестом, в то время как женщина прильнула к его широкой груди, щекоча ему шею россыпью своих кудрей.

– И все же... – тихо проговорила она. – Неужели отважный Фридрих Тельрамунд действительно дал ложную клятву? Неужели пытался обмануть императора? Я слыхала, он когда-то жил среди тамплиеров, но ушел от них именно из-за того, что увидел во всех их обрядах и обетах сплошную ложь. И он смог сам унизиться до лжи?

Эдгар нахмурился.

– Жenuшка, как ты думаешь, – спросил он ласково, – я бы стал уважать человека, который так поступил оттого, что ему захотелось получить женщину и власть? Словом, если он и дал ложную клятву, то совсем по другой причине.

– По какой?

Это становилось уже совсем интересно, и Марии совершенно расхотелось спать. Она усе-лась на постели поудобнее и ловко перехватила руку мужа, которой тот обвинил ее сзади.

– Расскажи! Эдгар, милый, ну расскажи пожалуйста! Или это тайна?

– Тайна, наверное. Но я никому не клялся, что буду ее блюсти. Ладно уж, малыш Ксавье! Придется рассказать тебе, но только ты должна обещать, что ни словом не обмолвишься барону. Он ведь даже не знает, что его тайна мне известна.

Мария улыбнулась:

– Разве я когда-нибудь была болтлива? Клянусь – ничего ему не скажу. А ты не говори ему сразу, что я не Ксавье, а твоя жена. Ну хотя бы в первый день. Ладно? Мне интересно, сможет ли он догадаться. Ведь вот сир Седрик догадался, и королева Элеонора тоже. А вы с Луи – нет. Вы бы так и думали, что я мальчишка...

Эдгар опять нахмурился:

– Седрик и Элеонора видят людей насквозь. Чему же удивляться? Ты была отличным оруженосцем, девочка.

– И буду! – пообещала она.

– Все-таки твердо решила ехать с нами? А как же наш маленький Анри?

На ее выразительное личико набежала тень. Но тут же Мария опять улыбнулась.

– У него теперь кормилица. Мы можем взять их с собою и оставить в замке у твоего отца. Он ведь писал, что очень хочет увидеть внука! Там нашему малышу будет лучше, чем здесь. А я... Мне так страшно тебя отпускать! Вот уже год с лишним, как ты носишься по этим лесам и равнинам, гоняясь за сарацинскими разбойниками, а я днями и ночами могу только молиться о тебе! Но здесь, по крайней мере, ты возвращаешься домой, и я тебя встречаю. А тут вдруг ты уедешь, далеко, надолго, и у меня о тебе не будет никаких вестей. Нет, Эдгар! Я думала весь вечер, мучилась, плакала, молилась. И наконец поняла, что должна ехать с тобой. И Анри поедет. Он же здоровенький – ему не трудно будет перенести дорогу.

из спорящих сторон, виновность или невиновность обвиняемого, и т.д. Обычно осуществлялась как поединок обвинителя и обвиняемого, что не исключало возможности для одной или для обеих сторон выставить вместо себя заместителя (защитника). Проигравший считался неправым и нередко осуждался на казнь. Ордалию называли еще «Божьим судом», хотя Церковь никогда не только не приветствовала такой вид разбирательства, но и решительно его запрещала.

– Ты думаешь? – тревога не покидала лица Эдгара. – Хотелось бы в это верить. У меня тоже тьма сомнений, Мария. И тьма вопросов. Однако твердо я знаю одно: не отозваться на просьбу Элеоноры невозможно. Тогда я был бы просто последним подонком!

– Конечно, невозможно, – поддержала Мария. – И еще мне очень-очень хочется увидеть замок, нашу деревню. И мою мать. Она жива, наверное. А мои братья и сестры? Прошу, ну прошу тебя: возьми меня с собой!

– Я подумаю до завтра, – он еще крепче обнял тонкое тело жены и понял, что уже знает свой окончательный ответ. – То есть до завтрашнего вечера. А сейчас, наверное, надо спать.

– Нет! Ты еще обещал мне рассказать про Фридриха Тельрамунда, про ордалию и императора!

Маленькая летучая мышка сорвалась, наконец, с карниза и ринулась в серебряное небо, настигая невидимую добычу. Ветер чуть сильнее дохнул в окно, и прозрачная занавесь заколебалась, почти коснувшись босых ног Марии, наполовину утонувших в густом ворсе восточного ковра.

– Хорошо, – Эдгар вздохнул, вновь уступая ей, и, разжав свои объятия, опрокинулся на спину. – Только ты уж слушай, не перебивая. Сама знаешь: я не особенно знатный рассказчик. Не то что Луи. Вот тот как разольется соловьем, так заслушаешься... Фу ты! Как вспомню, что скоро его увижу, так сердце дрожит от радости. Ладно, слушай. Это произошло десять лет назад. И было тогда славному рыцарю Тельрамунду двадцать пять лет. Не так, чтобы и много, но слава у него уже была великая. Как у моего предка Эдгара из Оверни – он ведь был еще моложе, когда вернулся из первого крестового похода, а о нем тоже слагали баллады... Тельрамунд как раз расстался с тамплиерами, точнее – с колдуном по имени Парсифаль, который объявил себя не больше не меньше как хранителем Святого Грааля¹⁷. Этот Парсифаль жив и по сей день, и о нем рассказывают много неприятных вещей, только я их повторять не буду – мало ли что болтают. Одно правда – он умеет вызывать у людей видения и внушать им всякие бредни. А еще умеет подчинять себе животных и птиц.

– Ну и что? – не выдержала Мария. – Это и я умею.

Эдгар покачал головой:

– Ты просто хорошо знаешь животных, их повадки, чувствуешь, что им надо, и умеешь передать им, чего хочешь ты, чтоб и они тебя поняли. А колдун Парсифаль заставляет зверей делать то, чего они обычно не делают. Однажды он заколдовал стаю волков, и те напали на едущих лесом путников и всех загрызли. А ведь летом волки никогда не нападают на людей. И знаешь, кто были эти путники? Злейший враг Парсифаля граф Руперт Монтрей, который некогда обличал его перед императором, друг графа миннезингер Кальверт, да еще жена Монтрея и его сын.

– Ужас! – вздрогнув, прошептала женщина. – Но может быть, это все же совпадение? Или просто сплетни. Знаешь, люди любят сочинять всякие ужасы. У нас в деревне чего только не болтали про всяких оборотней, ведьм. А потом оказывалось, что все это вранье. Может, и эти рассказы – тоже?

– Да нет, не вранье! – вздохнул Эдгар. – Ведь миннезингер тогда остался жив, хотя и был сильно изранен. Он-то и рассказал, как необычно вели себя волки. И еще во владениях Парсифаля, в озере возле его замка, живут очень большие лебеди, которых тамплиеры приручают, и те служат им. Но я не о том хотел тебе рассказать. С тамплиерами барон Фридрих Тельрамунд водился недолго. Очень скоро ему надоели их тайны, и он снова стал просто воином. И служил тогда при дворе Готфрида герцога Брабантского. Тот его очень любил и уважал.

¹⁷ Легенды о Святом Граале – одна из самых популярных тем средневековой рыцарской поэзии и одно из самых распространенных апокрифических преданий. Грааль, согласно этому преданию (не подтвержденному Священным Писанием), – сосуд, в который якобы была собрана кровь из ран распятого Спасителя, затем пропавший и в течении долгих веков тщетно разыскиваемый героями легенд и баллад.

Думаю, и наследником бы своим сделал. Когда бы не две беды. Во-первых, у герцога была дочь по имени Эльза. Говорят, красивая. Не видел сам, но на сей раз верю менестрелям. А во-вторых, порвав с орденом храмовников, Фридрих, все же, сохранил дружбу с сыном магистра Парсифаля. Я слышал, что он и впрямь неплохой парень. Однако привязанность к нему сгубила рыцаря Тельрамунда.

– Как это? – спросила Мария, в волнении уронив на постель персиковую косточку. – Как может дружба погубить рыцаря?

– Оказывается, может, женушка. А началось все с того злополучного дня, когда старый герцог умер. И умирая, не успел объявить друзьям, вассалам, а главное, своей взбалмошной дочери, чьей женой хочет ее видеть.

Глава 6

Подвиг рыцаря Тельрамунда

Толстые, покрытые лишайниками грабы расступились, за темной зеленью и алыми цветами шиповника блеснуло серебро, и могучий Рейндохнул в лицо прохладой.

Двое молодых людей подошли к берегу. Два друга, два рыцаря, столь же несхожих меж собою, сколь несхожи густой летний вечер и прозрачная утренняя заря. Граф Фридрих Тельрамунд, статный, темноволосый, с карими пронзительными глазами под шелковистыми крыльями густых бровей. И рыцарь Лоэнгрин – гибкий, белокурый и синеглазый, с румянцем свежим, будто у девушки.

– Ну, показывай своего стража! – улыбаясь, проговорил Фридрих, окидывая взором пустынные воды реки.

Лоэнгрин приложил к губам по-особому сложенные пальцы и тонко засвистел. Тотчас в воздухе захлопали крылья. Появившись словно бы ниоткуда, на светлую водную зыбь опустился и поплыл громадный, белый, как снег, лебедь. В великолепных очертаниях его тела, в круто изогнутой шее и удивительном, почти человеческом взгляде виделась сверхъестественная красота, и одновременно ощущалось нечто грозное.

Лебедь подплыл вплотную к берегу и спокойно положил голову в подставленную ладонь Лоэнгрина.

– Совершенно ручной! – изумленно воскликнул Тельрамунд.

– Только для нас, рыцарей Грааля, – возразил его друг. – Не пытайся его погладить, Фридрих – он так клонет, что останется рана! Этих лебедей специально выращивают и воспитывают. Когда бывает нужно, они являются и без зова. Если б ты не покинул наш орден, то был бы посвящен и в эту тайну.

– Потому и покинул! – с добродушной усмешкой отозвался темноволосый рыцарь. – Слишком много тайн. Не обижайся, Лоэнгрин! Ведь твой отец не рассердился и легко отпустил меня когда-то. Великий Парсифаль понял, что я не предназначен для столь высокого служения.

Как бы Тельрамунд ни относился к Парсифалю и к ордену, но сын Парсифаля был ему другом.

Белокурый похлопал лебедя по приподнятому крылу и повернулся к Фридриху.

– Да. Ты прежде всего воин.

– А еще – гуляка, любитель охоты, вина, женщин, покровитель миннезингеров. Да, да, да! И здесь, в Брабанте, при дворе герцога Готфрида, я мог наслаждаться всем этим вдосталь. Однако герцог умер, и трудно сказать, останутся ли нравы двора прежними при его дочери. Знаешь, Лоэнгрин, я всерьез увлечен ею.

Сказав это, Фридрих улыбнулся, и светлая, юная улыбка сразу преобразила его лицо: чеканные, почти суровые черты сделались мягче, глаза засияли. Все, кто хорошо знал знаменитого рыцаря, удивлялись его умению так радостно, по-детски улыбаться.

Лоэнгрин удивленно присвистнул.

– Ты?! Ничего себе! Но ты же эту Эльзу знаешь лет этак десять.

– Десять лет назад она была семилетней толстушкой с потешными косицами и веснушками во всю рожицу. А теперь... Больше всего мне бы хотелось к ней посвататься! И ведь старый герцог, умирая, завещал мне по-прежнему защищать пределы Брабанта и быть опорой для его дочери. Он явно хотел завещать мне и ее руку, да вот беда: у бедняги отнялся язык, и старик испустил дух, не успев сказать всего, что хотел. А Эльза... Она властолюбива, своенравна, упряма – ей едва ли захочется потерять свободу, по крайней мере так скоро.

– Хотел бы я посмотреть на грозную валькирию, пленившую могучего Тельрамунда! – воскликнул рыцарь Грааля.

– Посмотришь, – продолжая хмуриться, сказал Фридрих.

– Это невозможно! – пожал плечами юноша. – Ты знаешь наши обеты. Я никому не имею права назвать своего происхождения. Только имя, а одного имени мало, чтобы быть представленным ко двору герцогини.

– Будущей, будущей герцогини, Лоэнгрин. Присягать Эльзе Брабантской мы будем завтра. А сегодня она охотится в этом лесу и, если я не ошибаюсь, из чащи уже раза два доносился звук рога. Мне кажется, дичь скачет сюда.

Едва он сказал это, как рог прозвучал уже почти рядом, и лебедь, не ожидая приказа хозяина, проворно отплыл, скрывшись в камышах. А в просветах между древесными стволами, уже окрашенными зарей в веселый янтарный цвет, появилась темная фигура оленя. Он летел во весь опор, но еще быстрее мчались, настигая его, три узкомордые красавицы-борзые. Следом за ними показался угольно-черный конь под алым седлом и попоной с герцогскими гербами, а на нем – всадница. Белое атласное платье, белая вуаль над островерхой шляпой, волна черных, как полночь, волос, яркий румянец на мраморных щеках. И гибкая рука в белой перчатке на спусковом крючке арбалета. Свист стрелы – олень взлетает в прыжке и падает.

– Боже мой! – прошептал Лоэнгрин. Вся краска отхлынула с его лица, будто ее впитал багряный разлив рассвета. – Боже мой, Фридрих, кажется, я пропал...

Темноволосый рыцарь глянул на юношу и добродушно усмехнулся.

– Так понравилась? За чем же дело стало? Подари ей парочку таких вот ручных лебедей, увидишь – не устоит. Больше всего на свете женщины любят, когда им дарят что-то такое, чего ни у кого нет.

Фридрих хотел продолжить, но умолк. Выражение лица юноши отбило у него охоту шутить.

– Послушай... – голос Лоэнгрин задрожал. – Она... Это она! Это ее я видел во сне, помнишь, я тебе рассказывал? Только она еще прекраснее! Ты же знаешь: я, как будущий хранитель Грааля, давал обет безбрачия и нарушить его могу только с разрешения отца и только, если совершу подвиг. И даже тогда не должен открыть жене, кто я. И про орден. Поэтому я избегал женщин. Зачем из-за кого-то страдать? А тут... Это не безумие, и я не внушаю себе, что влюбился. Я действительно полюбил. Помнишь старую колдунью Ингрид? Она мне именно это когда-то и нагадала. Встречу в лесу, один-единственный взгляд и любовь на всю жизнь.

– Вот такие из вас, храмовников, христиане! – засмеялся темноволосый рыцарь. – Вместо святых молитв – какие-то талмудические заклинания, вместо исповеди у священника – хождения по гадалкам! Да я и сам бывал у этой старой ведьмы! И знаешь, что она мне напроочила? Изгнание и позор! Спасибо ей за это! Если все тамплиеры обращаются к ее услугам, я понимаю, отчего вы такие мрачные. Не помню, когда ты в последний раз смеялся!

Лоэнгрин опустил голову. Звуки охотничьего рожка затихли в чаще. Слышались только шелест листвы и тихий плеск волн у берега. Широкая гладь Рейна была пуста – огромный ручной лебедь не спешил возвращаться. Возможно, звуки охоты испугали его, или он ждал нового зова хозяина.

Тельрамунд заговорил уже серьезно:

– Вот что, друг мой. Не представляю, как тебе помочь. Не знай я твоего отца, посоветовал бы поговорить с ним серьезно и объяснить, что тебе вовсе не хочется блюсти все эти дикие обеты и становиться хранителем Грааля, которого на самом деле нет.

Лоэнгрин вздрогнул:

– Фридрих, да как ты...

– Как я смею вслух говорить о том, что знает всякий, у кого есть хотя бы капля разума? Грааль – отличная старая легенда, не более того. В Священном Писании, которое я, как и ты, читал вдоль и поперек, о нем нет ни слова. И епископ, с которым я однажды беседовал, сказал мне то же самое: легенда, красивая, поэтичная, но и только. Верить в нее и искать этот самый

Грааль очень даже красиво. Многие из-за этого и стали рыцарями, и слава Богу! Но вот врать, будто вы храните Грааль, когда его у вас нет, и собирать пожертвования на его защиту, – это уж откровенно по-тамплиерски! Ну что ты так смотришь? Скажи, что я неправ, и что вы не делаете деньги из всего, к чему прикасаетесь? Даже из веры в Бога вы их делаете! Так брось все это, Лоэнгрин! Пойди к отцу и попроси отпустить тебя. Меня же он отпустил.

Но светловолосый юноша покачал головой и побледнел еще больше.

– Ты не проходил посвящения, Фридрих. Ты был лишь среди младших братьев. А я посвященный, и никто не даст мне нарушать обетов.

– Убьют? – Фридрих, сощурившись, глянул на друга.

– Думаю, да, – честно ответил тот.

– Верю. Ну а жениться? Ведь это же разрешено. Какой такой подвиг тебе нужен, чтобы можно было посвататься?

До Лоэнгринна вдруг дошло, к чему клонит Тельрамунд, и он изумленно спросил:

– Ты что же, советуешь мне посвататься к Эльзе Брабантской? Но... Ты же сам ее любишь!

Темноволосый рыцарь весело прищелкнул пальцами.

– Полно! Разве есть на белом свете такая женщина, которую нельзя было бы позабыть ради друга? Уж если во имя нашей дружбы я терплю твою причастность ко всем бесовским бредням тамплиеров... Не хмурься, не хмурься: шучу! А Эльза... Да, она мне нравится. Очень. Но, кажется, тебе она нужна больше. Я-то уж всяко без нее не умру. Женщин много.

Светловолосый вспыхнул, в порыве благодарности схватил руку товарища, но тут же и выпустил.

– Спасибо, Фридрих. Только твоя жертва напрасна. Говорю же тебе: чтобы посвататься, я должен сделать что-то необыкновенное. Жизнь спасти этой Эльзе, что ли! И все равно смогу назвать только свое имя. Ни рода, ни родителей... Разве такая, как она, потерпит сватовство безродного, никому не известного человека?

Тельрамунд присвистнул:

– Она и знатных-то держит за слуг! И любит, знаешь ли, только себя одну. Хотя, если бы ты и впрямь ее спас, то, думаю, тотчас бы влюбилась. Любая женщина хочет либо сама спасти мужчину, либо чтоб он ее спас. Но одни оставляют это в мечтах, другие всю жизнь этого ждут. Эльза – из последних.

– Значит, мне надеяться не на что! – юноша отвернулся и долго наблюдал медленное движение темных струй Рейна. – Хотя бы уж отец позволил мне поехать куда-нибудь! Куда-нибудь, где можно погибнуть в сражении. Простые братья ордена бывают в боевых походах. Почему я не могу?

– Брось! – рассердился Фридрих. – Сражаются не чтобы погибать, а чтобы побеждать. И куда тебе в сражение! Ты же, наверное, подзабыл, как это делается.

– Зато ты совершаешь подвиг за подвигом! – глухо бросил Лоэнгрин. – О тебе только и слышно во всех краях. Великий рыцарь Тельрамунд!

Некоторое время оба молчали. Из камышей вновь показался и подплыл к берегу лебедь. Вытянув свою сказочную шею, он тянулся алым клювом к блестящей пряжке на высоком сапоге Фридриха. Тот, презрев предостережение друга, нагнулся и погладил шелковистую голову птицы. И лебедь не клюнул его – лишь удивленно поглядел круглым глазом.

– Вот! – воскликнул Лоэнгрин. – Никто не отваживается тронуть тебя! Все знают, что ты не проиграл ни одного поединка, ни разу не отступил в битве. Вот за тебя Эльза и пойдет. А мне остается только умереть.

– Из-за юбки? Славное решение!

И вдруг лицо Фридриха приняло странное выражение.

– Слушай... А эта птичка может что-нибудь везти? Вот, скажем, лодку она везти сможет? По течению, конечно!

Лоэнгрин пожал плечами:

– А почему нет? Это очень сильные птицы. Но к чему ты..?

– Так. Ну а мечом ты владеть не разучился?

Белокурый вспыхнул.

– Послушай!..

– Значит нет. Ну что же! Кажется, я знаю выход из положения. Вот только это может плохо закончиться... – И, отвернувшись, Тельрамунд добавил совсем тихо: – Для меня!

Старый император Фридрих уже в который раз посещал Брабантское герцогство. Прежде он очень дружил со старым Готфридом Брабантским, и они немало часов провели в дружеских беседах, а еще больше – на охоте и рыцарских пирах. Известие о смерти герцога было первой печальной вестью, достигшей ушей короля. И еще печально ему было узнать, что дочь и наследница Готфрида благородная Эльза призывает его на помощь: один из рыцарей отказался ей присягать! Более того – в письме она писала, что он незаконно требует ее руки...

– Клянусь тебе своим мечом и своей честью, мудрый император, что перед смертью старый герцог обещал мне руку Эльзы! – воскликнул Фридрих Тельрамунд.

– Клянусь моим славным именем и подвигами моего отца, этот человек лжет! – крикнула черноволосая Эльза и гневно топнула ногой.

Барбаросса насупился. Только этого не хватало! Либо один из славнейших рыцарей, либо герцогиня Брабанта... Кто-то из них запятнал себя ложью.

– В таких случаях спор решает только Божий суд! – произнес император, вставая с походного кресла, покрытого пышной медвежьей шкурой. – Ты согласен с этим, могучий Тельрамунд?

– Согласен, – Фридрих нагло усмехнулся. – Вот только кого изберет прекрасная Эльза себе в защитники? Едва ли кто-нибудь из рыцарей Брабанта, да из каких угодно земель, решится скрестить свой меч с моим!

Юная герцогиня вспыхнула. Она знала, что рыцарь говорит правду: в последние годы он не знал себе равных во всех сражениях.

И вдруг в толпе собравшихся воинов, рыцарей и слуг произошло замешательство, послушались изумленные возгласы: «Смотрите, смотрите!»

По светлым водам Рейна, будто белоснежное облако, плыл огромный лебедь. Он влек за собою ладью, и в ладье стоял воин – белокурый, в белом с алыми крестами плаще, в кольчуге, сверкающей серебром.

– Прекрасная герцогиня Эльза! Я – рыцарь Лоэнгрин. Я пришел вступить за твою честь. Признаешь ли ты меня своим защитником?

Синие глаза юноши лишь на миг встретились с глазами Эльзы, и надменная дочь герцога Брабантского почувствовала, как дрогнуло ее сердце.

– Признаю!

– Тогда коня мне! Если он падет, я за него заплачу!

Трижды сшибались в страшном поединке рыцари. Трижды сталь высекала искры, кони с громким храпом взвивались на дыбы. Наконец они зашатались, и противники спешили.

– Еще один такой удар, и я не выдержу! – прошептал в лицо Фридриху Лоэнгрин.

– Я же предупреждал, что не смогу драться «понарошку»! – выдохнул Тельрамунд. – Руби, не бойся – мой шлем крепкий, а голова еще крепче!

И тотчас рухнул под могучим ударом белого рыцаря. Божий суд совершился.

– Как мне отблагодарить тебя, отважный витязь? – прошептала, подходя к Лоэнгрину, Эльза.

– Я люблю тебя, герцогиня! Но знай: орден, которому я служу, запрещает мне открывать свое происхождение и имя моего отца. Станешь ли ты женой того, кто не может назвать себя при всех? Поклянешься ли до венчания не спрашивать, кто я, а после, когда я тебе это скажу, никому этого не открывать?

Девушка подала ему руку.

– Мне кажется, я знаю о тебе достаточно!

Фридрих Барбаросса смотрел на них, качая головой. Как легко сдалась неприступная Эльза!

– Что с рыцарем Тельрамундом? – спросил император, – Он убит?

– Да жив я! – приподнимая голову и отирая кровь со лба, прохрипел барон. – Не повезло, что поделаешь...

– Ты не выдержал Божьего суда! – воскликнул, гневно сдвигая брови, Барбаросса. – Поражение доказывает, что ты солгал. Солгал, поклявшись своим мечом, а оскорбление меча недостойно рыцаря. Прочь с моих глаз, клятвопреступник! Если захочешь в боях искупить свой позор, я буду рад. Но тебе больше нет места ни на ристалищах, ни при дворе. Прочь!..

– Вот так и стал самый знаменитый рыцарь Германии, герой стольких баллад и преданий, изгнанником и бродягой, – помолчав, закончил Эдгар, поймав в ладонь мелькнувшего перед ним светящегося жучка и тут же снова его выпустив. – Правда, многие, кто знал Тельрамунда, все равно сохранили к нему уважение. И тот же император Фридрих, спустя восемь с половиной лет, рад был узнать, что воин, которому у него в стране нет равных, присоединился к Крестовому походу германской армии. Правда, они так и не поговорили меж собой – Тельрамунд шел с войском и сражался как самый обыкновенный рыцарь, не знакомый с императором. Тем не менее после Барбаросса передал барону через своих придворных, что прощает давнюю вину и вновь признает его своим вассалом. Однако, как я понимаю, Тельрамунд и по окончании похода не вернулся в родные места.

– Еще бы! – воскликнула Мария. – После такого незаслуженного позора.

– Да, – кивнул Эдгар. – У настоящих рыцарей это считается несмыслимым. Опять же, сама видишь, жена, как благородно он себя ведет: его гонят из родных мест, предают позору, а он, позабыв зло, идет со своими в поход во славу Креста. Ведь он не мог быть заранее уверен, что император тоже проявит благородство и объявит ему прощение. Удивительный человек!

– И удивительный друг! – Мария сморгнула слезинку с пушистых ресниц и шмыгнула носом. – Кто бы еще ради друга отказался от любимой женщины? А он не просто отказался, а еще и унизить себя дал! И какая же дрянь этот его Лоэнгрин!

– Тамплиер, что с него взять? – Эдгар пожал могучими нагими плечами и отмахнулся от того же светлячка, который упрямо вился возле лица. – Храмовники привыкли ко лжи.

– Послушай, – спохватилась Мария, – а ты-то откуда узнал правду? Если Тельрамунд так никому и не признался, что нарочно затеял всю эту историю?

Молодой рыцарь рассмеялся.

– Это – один из тех случаев, что бывают раз лет этак в сто... Незадолго до Крестового похода в Лионе объявили турнир. Знатный турнир, на него съехалось множество рыцарей. Луи тоже в нем участвовал, а я тогда только смотрел да втайне завидовал, хотя и сам себе в том не признавался. Да еще работы у меня в те дни хватало! Представь: понаехала куча рыцарей – дерутся, доспехи портят, мечи ломают, шлемы проламывают. И всем им говорят, что лучший кузнец в Лионе – мастер Эдгар. Ну что ты усмехаешься? Знаешь ведь, что я такой и был.

– Я усмехаюсь оттого, что ты мне рассказываешь про турнир, точно я его не видела! – проговорила Мария. – «Малыш Ксавье» три раза отпрашивался у барона в город, чтобы посмотреть на рыцарей и их битвы. Я даже на дерево залезала! И тебя видела, как ты сидел сбоку, среди ремесленников. Смотрела и представляла, что ты тоже – рыцарь, тоже бьешься на турнире, побеждаешь и награду даришь мне... представляешь? А ведь потом так и случилось!

– Да, – он опустил подбородок на ее худенькое плечо и прижался щекой к щеке. – Но я ведь не о себе хотел рассказать. На третий день турнира, вечером, ко мне в кузницу пришел молодой рыцарь, белокурый, красивый. Говорил с немецким акцентом. И я еще подивился его щиту: никогда не видел, чтоб на щите рисовали лебедя... А один из моих подмастерьев возьми да скажи мне, что этот парень – известный рыцарь Лоэнгрин, герцог Брабанта. Ему, подмастерью, на турнире это кто-то рассказал. У Лоэнгриня этого щит был продырявлен в двух местах, ну а шлем впору было просто выкидывать! Видать, не очень ему на турнире везло. Ну, пока я работал, он вытащил бутылку рейнского портвейна. Предложил мне. Я говорю, что у меня еще работы полно, какая выпивка? Стакан выпил... А он прикончил все остальное. И его развезло. В кузнице-то жарко! Разболтался тамплиер вовсю. Нет, тамплиерских тайн выдавать не стал – побоялся. Зато взял вдруг и по пьяному делу рассказал мне всю историю своей женитьбы на Эльзе Брабантской и как ему все это устроил Тельрамунд. Я, признаюсь, не выдержал: «И как, – говорю, – вам, мессир, не стыдно? Я – человек простой, но никогда бы такого не сделал!» А он мне в ответ: «Значит, ты никогда с такой силой не любил!» Вот что правда, то правда: тогда я вообще не знал, что значит любить.

– А теперь? – тихо спросила Мария.

– Что теперь?

– Теперь, когда знаешь? Ты бы предал друга из-за любви? Принял бы такую жертву?

Эдгар поцеловал ее в шею и осторожно повернул к себе мокрое от слез личико.

– Теперь? Теперь и подавно не сделал бы так! Разве ты, узнав об этом, простила бы меня? Думаю, Эльза Брабантская, если узнает, тоже не простит.

– Дура она, эта Эльза! – вдруг сорвалась Мария. – Дура и пустышка! Как можно было выбрать Лоэнгриня, когда рядом с ней столько лет был Тельрамунд?!

Эдгар снова засмеялся:

– Я знал в своей жизни трех умных женщин. Первой была моя матушка. Вторая – королева Элеонора. Эта не просто умна, она, пожалуй, поумней любого мужчины. Третья – ты, малыш Ксавье. А все прочие – дуры. Им так положено. И нечего на это обижаться!

Глава 7

Кормчий Вилли

Если что и сохранилось от прежней роскоши, к которой привык в своих французских замках и владениях богатый граф Анри Шампанский, ставший бедным королем Иерусалимским – так это красота и быстроходность его кораблей. Он перевел из Франции весь свой небольшой, но надежный флот – четыре большие, недавней постройки галеры, которые могли ходить и под парусами, три галеры поменьше, зато куда быстроходнее да еще четыре когга¹⁸, заказанных и славно сработанных в Германии.

На одном из этих коггов год с небольшим назад граф Анри и прибыл к берегам Палестины, привезя в лагерь под Птолемиадой свою юную родственницу принцессу Алису, на которой обещал жениться, но затем так и не женился Ричард Львиное Сердце, а также молодого графа Луи Шато-Крайона, за время морского путешествия окончательно плененного рыжеволосой красавицей-принцессой.

То памятное путешествие, как потом оказалось, стало роковым не только для Луи. Вместе с Алисой плыла ее служанка Эмма. И ничего в ней, вроде, не было особенного, и ее, возможно, никто бы на корабле вообще не заметил, но в один из дней налетел страшный шторм – и обнаружилось, что из всех участников путешествия только трое совершенно не страдают морской болезнью: граф Шато-Крайон, принцесса Алиса и в первую очередь кормчий когга, немец Вильгельм, прозванный Вилли Морским или Вилли Рыжим, хотя волосы у него были вовсе не рыжие, а золотистые. Вилли отстоял у руля когга целые сутки, несокрушимый и неустрашимый, совершенно спокойный среди страшной неистовой бури. Разбушевавшаяся стихия мотала судно из стороны в сторону, вскидывала с одной огромной волны на другую, чтобы затем низринуть в черную пропасть меж водяных гор и снова вздыбить к рваным густо-синим тучам, а пенные валы хлестали через борт и порой перекатывались по палубе. Однако кормчий ни на мгновение не усомнился ни в своем корабле, ни в твердости своей руки. Он умело перекладывал руль, маневрируя среди окружавшего их дикого хаоса, и шторму не удалось справиться с упрямым коггом.

Матросы, по приказу кормчего привязавшие себя к единственной мачте, мучились морской болезнью, как и большинство пассажиров. Что же касается Луи и Алисы, то они не испытывали ничего, кроме страха перед бурей, который граф, разумеется, стыдился выказывать, а принцесса сумела подавить, видя рядом отважного, невозмутимого на вид рыцаря. Они вдвоем вышли на палубу и невольно залюбовались Вилли Рыжим, который был великолепен в мокрой насквозь одежде, с головой, окруженной золотым венцом выующихся волос, и с руками, будто приросшими к рулевому веслу. Любовалась красавцем-моряком и юная Эмма: служанка принцессы хотя и мучилась морской болезнью, но тоже выбралась на палубу – в каюте ей было еще страшнее...

На бедняжку Эми жалко было смотреть. Но, когда кормчий попросил зачерпнуть ему воды из привязанной к мачте бочки, именно Эмма отважилась подняться с ковшиком по лесенке на кормовую надстройку. Казалось, Эми вот-вот смочет по дороге одной из сумасшедших волн. И Вилли оценил мужество хрупкой девушки, равно как и прелесть ее фигурки, которую прилипшее к телу мокрое платье сделало очень соблазнительной...

¹⁸ Когг – тип торгового и пассажирского судна. Впервые начали строиться в Германии в начале XII века. Когг обладал высокими кормовой и носовой надстройками и нес один большой прямоугольный парус. Быстроходные и достаточно маневренные, эти корабли могли при попутном ветре легко уходить от пиратских кораблей, что и побудило судостроителей к их созданию.

Словом, шторм соединил не только сердца Луи и Алисы. Но если графу Шато-Крайон трудно было надеяться получить руку принцессы, сестры французского короля, то храбрый кормчий быстро смекнул, что вполне может посвататься к хорошенькой служанке. Через какое-то время он так и поступил. Благо Алиса довольно долго прожила в лагере крестоносцев под Птолемиадой, и к тому же у нее была вторая служанка, которую принцесса потом увезла с собою во Францию, оставив Эми славному немцу.

Нынче у Вилли, продолжавшего служить королю Анри Иерусалимскому так же честно, как он прежде служил графу Анри Шампанскому, уже подрастала двойня – два мальчишки, в которых и он, и Эми не чаяли души. Впрочем, Вилли, с истинно немецкой трогательностью привязанный к своей семье, продолжал большую часть времени проводить в море. Его когг доставлял в Палестину различные товары с Кипра и Сицилии, раза два побывал и у берегов Франции. Судно все так же трепали шторма, и его единственный большой парус порою бывал оказывался бурей. Но судно слушалось своего кормчего, а тот, выросший среди волн и штормов, знал, как с ними ладить. Тем более что теперь Вилли было куда и к кому возвращаться.

Преданность и мореходное искусство Вильгельма стали причиной выбора, который сделал король, решая, какое из своих судов снарядить для путешествия Эдгара и Фридриха в Англию. Рыцари спешили, и поэтому отвергли путь посуху. Правда, Эдгар отважился взять с собою жену и маленького сына, и мысль о возможности угодить в шторм очень его пугала. Но Вилли уверил: в это время года сильные бури маловероятны, ну а если и случится ураган, то когг его выдержит.

– Пускай вас не будет испугайт, што с вами етет малэнький ритцарь! – твердо заявил капитан. – Отшень часто детки не так бояться буря, как фсрослый, и у деткоф часто нет морской болеснь. А если нет у вас и нет у ваша жена, то отшень фосмошно, таже скорее всего, што нет и у ваш сын.

В плавание они отправились спустя два дня после приезда в Птолемиаду Фридриха Тельрамунда. Барон, который проделал перед тем длинный, опасный и утомительный путь, не пожелал отдыхать дольше, зная, как ждут их приезда в Англии. Он лишь попросил лишь помочь подыскать ему нового оруженосца взамен убитого ассасинами Юргена, и Анри Иерусалимский исполнил эту просьбу в тот же день. Эдгар и Мария тоже не задерживались со сборами.

Сильнее всего их отъездом (вернее – отъездом крошки Анри) была опечалена королева Изабелла, которая и вправду любила малыша, точно родного ребенка. Она горько плакала, узнав, что мальчика увозят во Францию скорее всего навсегда. Бедняжка Изабелла! Разведенная решением вождей Крестового похода с любимым мужем¹⁹ и потом выданная замуж два раза подряд (сперва за маркиза Конрада Монферратского, а после его убийства – за графа Анри Шампанского), она привыкла к мысли, что служит чем-то вроде венца, который возлагают на голову избранного, не интересуясь, хорошо ей от этого или плохо. И вся-то ее вина была в том, что Изабелла родилась сестрой ныне покойного короля, последнего из правивших в Иерусалиме Балдуинов. А значит, к ней перешло право на трон.

Впрочем, в отличие от грубого, неводержанного Конрада, король Анри был ровен, спокоен и добр, любил пошутить и посмеяться, и все это быстро расположило к нему королеву. Она не любила его, и он не любил ее, оба отлично это знали, а потому решили стать друзьями и поддерживать друг друга, неся нелегкое бремя власти в такой неспокойной стране. Но Изабелла оставалась женщиной, ей все равно хотелось счастья и нежности, хотелось любить. И она всей истосковавшейся душой привязалась к сыну Эдгара и Марии, внушив себе, что поможет молодым неопытным супругам его воспитать.

¹⁹ Изабелла – сестра короля Балдуина IV, в возрасте одиннадцати лет была выдана замуж за семнадцатилетнего Годфруа де Торона, которого потом страстно полюбила. Однако из политических соображений ее родители спустя семь лет расторгли этот брак.

И вот теперь ребенка увозили. Королева испытывала отчаяние, понимая, что ничего не может изменить.

Сперва она пробовала уговорить Марию, чтобы та оставила малыша на ее попечение: ведь брать с собой в далекий и небезопасный путь полугодовалого грудничка – сущее безумие. Возможно, Мария и согласилась бы оставить ребенка в более спокойном месте, но Иерусалимское королевство, окруженное свирепыми сарацинами и живущее в постоянном ожидании их нападения, представлялось молодой матери опаснее моря и тревожных дорог Европы. Покуда рядом (или по крайней мере поблизости) был ее Эдгар, Мария не боялась ни за сына, ни тем более за себя. Но раз уж мужу приходится уехать, то надежнее всего, чтобы и сын, и она поехали вместе с ним. А там как Бог сподобит! Мария была искренне набожна и не раз убеждалась, насколько молитва сильнее железа и крепостных стен...

– Што я вам говорил? Море спокойний, как ладошка! И будет такой на весь наш путь. Я только молю Господа Иисуса Христа, штоб не бил софсем-софсем штиль, не то нам будет долго плыть, а вы говорили, што нато спешить.

Вилли Морской сказал это Эдгару на второй день пути, когда они, пройдя несколько лье вдоль берегов Палестины, вышли в открытое море.

– Да, погода стоит на удивление! – отозвался молодой рыцарь, любуясь игристой гладью воды, которую солнце то там, то здесь зажигало сотнями разноцветных искр.

Эдгар подумал, что совершает морское путешествие далеко не в первый раз, но впервые видит море абсолютно безмятежным. Самый легкий ветер, которого едва хватало, чтобы наполнять большой квадратный парус когга, почти не поднимал волн. Они переливались по громадной изумрудной поверхности легко и незаметно, а если где-то и возникало облачко курчавой пены, то его блеск казался одной из солнечных вспышек. Небо, чистое и прозрачное, тоже было напоено покоем, и лишь синяя черта его слияния с морем, густая, туманная, напоминала, что за пределами этого, видимого с корабля мира, есть еще мир, а там где-нибудь может уже зарождаться более сильный ветер и ожидаться шторм, который вдруг да доберется и сюда.

– Кароший погода карашо тля ваш путешествий, – кивнул кормчий, как бы отвечая мыслям рыцаря. – Тля путешествий карашо, но плехо тля того, што вы хотийт нахотить.

– То есть? – не понял Эдгар.

– То есть, штобы нахотить, где мог расбиваться корапль король Ричард.

Слова Вилли повернули мысли молодого человека совершенно в другую сторону: это ему как-то не приходило в голову...

– Ты хочешь сказать, – воскликнул он, – что если бы в море начался шторм, то нас могло бы отнести именно туда, куда отнесло корабль Ричарда Львиное Сердце? Но разве шторма одинаковые? Разве ветер дует в одну и ту же сторону? И разве в разных частях моря все это не по-разному влияет на движение судов?

Вильгельм слушал, кивая и улыбаясь в свою короткую светлую бороду. Когда Эдгар умолк, кормчий проговорил:

– Шторм быфайт разный, да. Но в этот время года он бывайт отшень ретко, я вам говориль. Король отпливаль год назад, но чуть пораньше, когда еще ветер бывайт чаще, и буря мошет прихотить вот оттуда... – он махнул рукой в направлении востока. – И всегда шторм в этот время тует с восток на запат. Я много-много раз бываль в такой шторм. И мой корапль, где бы он ни плыль, талеко ли от берег или близко, несло пошти одинаково. И сейчас, когда шторм нет, я би мог только отшень неточно просчитайт, кте могло прибить корапль короля. А если бы мы попадаль в шторм, то просчитали бы точнее.

– Но послушай, Вилли! – Эдгар заволновался и даже схватил кормчего за руку. – Выходит, ты уверен, ты тоже уверен, что король Англии не утонул, а добрался до берега?

– Затшем же ему было тонуль? – возмутился Вильгельм. – У него тоше был кароший кораплъ, и кормчий там был не турак, я немношко с ним говорилъ до того. Я помню, какой тогта был буря. Сильный, плехой, но не такой, штоб тонуль кароший кораплъ с кароший кормчий. Лефиафан²⁰ пусть меня слопай, если это не так!

– Тонут всякие корабли и всякие кормчие, – раздался снизу, с лесенки, ведущей на кормовую надстройку, голос Фридриха Тельрамунда, и барон поднялся к Вилли и Эдгару, держа в руке медную тарелку с парой ломтей хлеба, куском сала и кожаной кружкой.

Первую фразу Фридрих произнес по-французски, поскольку важно было, чтобы ее понял и Эдгар, но затем обратился к своему соотечественнику на немецком, протягивая ему тарелку. Вилли засмеялся и взял угощение, безо всякого опасения передав руль барону.

– Этот сухопутный человек понимайт в кораплъ как кароший моряк! – сказал он Эдгару, усаживаясь на верхнюю ступень лесенки. – Никому бы не давалъ руль, только моряку. А ему даль. Та, я отпускаль матросы отдыхать – в такой погода пускай поспят тольше. А што всякий кораплъ тонет, госпотин ритцарь не прав. Бывайт шторм, што нишего нелься сделайт, но тогда, год назад это был не так. Я помню.

Фридрих нахмурился.

– А ведь неплохая мысль! – произнес он задумчиво. – Просчитать, куда могло принести корабль короля и высадиться на этом месте... Кто-то из местных жителей может помнить, как произошло крушение, кто спасся с корабля и куда направился. Слушайте, Эдгар, а может мне и вправду так сделать? Вы с женой поплывете в Англию, а я высажусь там, куда укажет Вилли, и попытаюсь что-нибудь разузнать. Потом встретимся в месте, о котором заранее договоримся. Попробуем, а?

– Лучше я отправлю жену с сыном, а сам высажусь с вами, – с сомнением ответил Эдгар. – Сто против одного, что это окажется побережье Франции, а там мне скорее удастся что-то вызнать.

Барон удивленно поднял брови:

– Почему? Разве я говорю с акцентом?

– Нет. Если только чуть-чуть, но с таким акцентом говорят и иные французы, к примеру жители запада Франции. Просто мне легче будет общаться с жителями прибрежных сел. Это теперь я – рыцарь, а немного больше года назад был кузнецом в Лионе, так что знаю, как говорить с простолюдинами.

– А то я не знаю! – засмеялся Фридрих. – Меня где только не носило и с кем только не сводило! Хотя тут вы правы, мессир: легче тому, кто с самого начала жил среди простых людей. Рыцарские замашки иногда здорово мешают.

– А легче всех будет мне! Потому что я – крестьянка и потому что умею лечить скот. Вот помогу кому-нибудь вылечить захворавшего осла или принять роды у овцы – и мне расскажут все и обо всем!

Мария давно уже стояла, прислонясь к борту, почти под самым кормовым возвышением, и слушала доносившийся сверху разговор. Она знала, что муж не станет держать от нее в секрете, если он и Фридрих примут какое-то решение, и потому вмешалась в беседу без всяких сомнений.

– Ты собираешься ехать через всю Францию с грудным ребенком? – Эдгар был не очень удивлен и не особенно возмущен: это вполне похоже на Марию.

– Но разве из Англии во Францию, в замок твоего отца мы бы не ехали? – парировала молодая женщина. – Все равно Анри нужно отправить в Лион. А так мы бы высадились,

²⁰ Левиафан – в представлениях средневековых моряков и путешественников – страшное морское чудовище, которое нередко нападало на корабли. Довольно часто с левиафаном отождествляли кита.

корабль с нашим посланием отправится в Англию, и пока мы будем искать очевидцев крушения в береговых поселках, Луи и Блондель могут поехать к нам навстречу.

– А неглупо, между прочим! – воскликнул Тельрамунд, нагибаясь над оградой надстройки и с новым любопытством разглядывая Марию, одетую теперь в свой прежний наряд – мальчика-оруженосца Ксавье. – Очень неглупо. Ну и жену вы себе подыскали, мессир Эдгар!

– Это она меня подыскала, – почти сердито отозвался француз.

– Эй, кормчий! – послышался крик с носовой надстройки. – Слева по борту, в паре лье от нас – корабль!

Вильгельм живо отставил тарелку, на которой оставалось лишь немного хлебных крошек, и кружку с последними каплями воды и, поднявшись, всмотрелся в далекий горизонт, на фоне которого слева действительно появился тонкий темный силуэт.

– Галера, – проговорил кормчий. – Идет быстро и, пускай я не буту больше моряк, если она не ходить за нами.

Эдгар посмотрел на Вилли с некоторым изумлением. Тому, что тот сумел на большом расстоянии распознать тип корабля, молодой рыцарь не удивился. Но вот понять, куда судно держит курс, да еще сообразить, что следует за их коггом... Или, кормчий просто строит предположения?

– Всякий корабль, когда видит другой, отходит в сторону, – ответил на его недоумевающий взгляд Вилли. – Штобы, если вдруг меняется ветер, их не понесло один на другой. Этот все наоборот – поворачивайт, штоб идти за нами.

– В таком случае, быть может, эту галеру послал нам вдогонку король Анри? – предположил Эдгар. – Возможно, появились важные новости, либо он решил дать нам какие-то поручения?

Кормчий с сомнением покачал головой, продолжая всматриваться вдаль. Незнакомое судно шло с той же скоростью, заметно нагоняя когг – при слабом ветре весла оказывались действеннее паруса.

– Это не есть галера король Генрих! – воскликнул Вилли (при этом его акцент заметно усилился). – Это не есть вообще судно из Палестина. Оно ходило с тругой стороны. И оно хотеть нас догоняйт.

Фридрих, все это время не выпускаявший руля и спокойно смотревший в том же направлении, что и кормчий, произнес слово, которое давно уже вертелось в уме у всех троих:

– Пираты.

Глава 8

Погоня

В конце двенадцатого века от Рождества Христова морские страны успели позабыть о страшных временах, когда на морях свирепствовали драккары²¹ викингов. Эти быстроходные суда в свое время не давали прохода торговым кораблям, однако вовсе не ограничивались одним только морским разбоем. Собираясь в целые флотилии, они нападали на прибрежные города и селения, брали их штурмом, грабили подчистую, убивали всех подряд, не помышляя о жалости. Кровожадные боги викингов Один и Тор призывали лишь к войне, и суровые ярлы²² внушали своим воинам: в счастливую Валгаллу²³ попадет лишь тот, кто умрет, сжимая в руке меч, окрашенный кровью врага. Какого – неважно. Был бы меч, а врага найти можно!

Но все это осталось в прошлом. Вторгаясь в богатые европейские земли, морские разбойники все больше узнавали их обычаи и постепенно решили, что жить так, как живут не только короли христиан, но и их селяне, лучше и спокойнее. Ярлы, а следом и все викинги стали принимать христианство, основывать свои поселения и города. К этому времени уже существовали целые государства бывших викингов – Швеция, Дания, Норвегия, и датчане даже приняли участие уже в двух крестовых походах.

Драккары больше не хозяйничали на морях, наводя ужас на торговцев и путешественников. Однако на смену им появилось немало других любителей кровавой морской охоты – купеческих судов становилось все больше, а значит, прибавлялось и пиратов. Правда, они уже не нападали на города: те превратились в хорошо укрепленные крепости с сильными гарнизонами. Да и объединяться в большие флотилии морским разбойникам стало невыгодно – зачем выдавать свое присутствие, когда нападать удобнее внезапно? Небольшим прибрежным поселениям иной раз по-прежнему доставалось от набегов с моря. Впрочем, береговое право²⁴ сделало жителей многих рыбацких поселков разбойниками почище пиратов: эти прибрежные грабители были вооружены и воинственны.

На Средиземном море пиратов развелось не меньше, чем в северных водах. Правда иной раз разбойники, вместо нагруженного дорогим маслом, вином или тканями когга, натывались на судно, везущее паломников к берегам Святой Земли. Этих захватывали и отвозили на невольничьи рынки Дамаска или Багдада: чем же плох заработок работоторговца?

Однако в последние два-три года между французским побережьем, Сицилией и Палестиной часто плавали суда крестоносцев, и потому разбойники здесь стали появляться реже. Хотя рыцари Креста и увозили после Крестового похода немало ценностей, но нападать на них считалось опасным: десятки опытных арбалетчиков готовы были встретить стрелами непрощенное судно. Так что пираты предпочитали обходить их стороной – купцов мало, что ли?

Впрочем, собирая рыцарей в путь, король Анри не мог не подумать и об этой опасности, да и о любых неожиданностях на берегу. Вместе с Эдгаром (которого Фридрих решительно

²¹ Драккарами (драконами) жители Европы прозвали быстроходные парусно-гребные суда скандинавских мореходов, постоянно нападавших на торговые корабли и прибрежные города. Их бесчинства продолжались до середины XII века. Затем, научившись от европейцев оседлой жизни, викинги постепенно прекратили разбой – их сменили всевозможные пираты «нового поколения». В описываемый период пальму первенства среди морских разбойников держали мусульмане, постоянно нападавшие на христианские торговые и паломнические суда.

²² Ярл – у скандинавских народов – предводитель, главным образом военный.

²³ Валгалла – в представлении целого ряда скандинавских племен – место обитания душ после смерти. Но считалось, что попасть в Валгаллу может лишь отважный воин, заслуживший посмертное блаженство.

²⁴ Береговое право – закон, действовавший в Средние века в ряде стран. Согласно береговому праву имущество и товары с кораблей, потерпевших крушение возле какого-либо берега, становились собственностью тех, кто находит их на берегу, при условии если весь экипаж и владельцы судна погибли. Пользуясь этим правом, жители береговых селений нередко заманивали торговые суда ложными маяками на мель или скалы, убивали мореходов и присваивали грузы.

признал начальником в этом походе и не желал слушать возражений) плыли двадцать воинов, вооруженных, кроме всего прочего, и мощными арбалетами. А на носовой и кормовой надстройках когга сделаны были на этот случай высокие борта со специальными прорезями-бойницами. Имелось оружие и у матросов Вилли Морского, которому случалось уже не раз, пользуясь быстроходностью своего корабля, уходить от подозрительных судов, но случалось пару раз и отбиваться от нападений пиратов.

Поэтому само появление галеры, которая была скорее всего пиратской, не могло особенно уstrasшить путешественников. Опасения внушали лишь два обстоятельства: очень слабый ветер, который замедлял движение когга и не оставлял ему возможности уйти под парусом от быстроходного гребного судна, а также присутствие на борту полугодовалого Анри, мысль о котором сразу вызвала трепет в душе Эдгара. Лучше всего, конечно, было бы избежать схватки, но что, если это окажется невозможным?

Фридрих Тельрамунд, видимо, почувствовал смятение молодого рыцаря и, слегка улыбаясь, кивнул ему, не выпуская руля:

– Не беспокойтесь, мессир Эдгар, у нас не так мало сил! Только мы двое, вы да я, стоим двух-трех десятков трусливых головорезов. Воинов нам король дал отличных, я с каждым поговорил. Ну а за Вилли ручаюсь честью – немец не посрамит немца, да еще при французе. Верно, Вилли?

– Да я и сам не буду срамиться перед какой-то медузий потроха, перед какой-то поганый пират! – воскликнул кормчий, прибавив затем короткое словцо, которого Эдгар не понял, но по ухмылке Фридриха догадался, что оно вряд ли поддается точному переводу. – Пусть меня будет глотать морской черепаха, если я когда-то боялся эти разбойники! Раньше мой парус будет прогнуться против ветер, чем я сдам мой корабль стае взбесившийся акулы!

– Прекрасно! – рыцарь Лионский еще раз взглянув в сторону галеры, прикинул: ей понадобится никак не меньше часа, чтобы подойти к ним на расстояние арбалетного выстрела. – В таком случае я прикажу воинам надеть доспехи и вооружиться и сам влезу в кольчугу и шлем. А ведь думал отдохнуть от всего этого железа хотя бы на время морского пути.

Он сбежал по лесенке с кормового возвышения и почти налетел на Марию, все так же стоявшую возле борта и тоже смотревшую на приближающийся корабль. Она, конечно, слышала все, что они говорили, однако, когда молодой рыцарь заглянул в ее лицо, он не заметил на нем никакой тревоги...

– Ступай в каюту, жена! – Эдгар поймал себя на том, что говорит с какой-то деланной суровостью. – Оставайся там и вели Луизе тоже не высовываться на палубу. Возможно, будет сражение.

– Я поняла, – кивнула головой Мария. – Но коли так, то почему же ты гонишь своего оруженосца? Я тоже надену шлем, кольчугу и возьму арбалет. Ты же знаешь, как хорошо я стреляю. Правда, прежде только луком, но когда мы стояли лагерем под Птолемиадой, королева Элеонора научила меня обращаться с арбалетом.

– Я очень этому рад, – едва скрывая напряжение, проговорил Эдгар. – Но не забывай, малыш Ксавье, что у нас с тобой сын, за которым надо будет присмотреть.

– Так Луиза и присмотрит! Ведь для нас главное – защитить его, да?

– Это главное для меня! А для тебя главное – повиноваться мужу.

Теперь его голос прозвучал уже гневно, и Мария не стала спорить. Они вместе вошли в каюту, где молодая кормилица, еще ничего не подозревавшая, спокойно кормила проснувшегося малыша.

В это время Вилли Рыжий снова встал к рулю и, отдав несколько приказаний матросам, немного изменил направление движения корабля.

Фридрих тоже оставался на корме, не спеша идти за своими доспехами – он умел надевать их очень быстро. Кроме того, действия Вильгельма подсказали Тельрамунду, что у кормчего возник какой-то план.

– Что ты затеял? – спросил он, переходя на немецкий.

– Хочу попробовать обмануть этих уродов, чтоб их Левиафан слопал! – ответил кормчий, усмехаясь. – Было бы чуть-чуть побольше ветра – я бы не сомневался в успехе. Вскоре, думаю, ветер усилится, но до этого времени уже нужно управиться. Будь я проклят! Эти медузы рогатые плывут очень быстро!

– Галера-то сарацинская, – спокойно заметил барон, из-под ладони рассматривая догоняющее их судно. – Теперь я это ясно вижу: и форма кормы, и весла, все их выдает. Странно! Сарацинские пираты – народ опытный. По осаде нашего когга они бы должны понять, что он не нагружен товарами – идет налегке. Для чего же мы им сдались? Рабов заполучить? Так ведь корабль, набравший на борт паломников, тоже сидел бы глубоко. Нас тут раза в три меньше, чем бывает, когда едут пилигримы. Ты как думаешь?

Вильгельм сердито сплюнул себе под ноги, что делал только в самом крайнем раздражении.

– Откуда же мне знать, что на уме у пиратов, а тем более – у нехристей? Мое дело – постараться накормить ими акул.

– И как ты собираешься это сделать? – сощурившись, спросил рыцарь. – От ветра пока и впрямь толку мало, не то твой когг легко ушел бы от этой гребной лохани. По-моему, драки не избежать.

– Поглядим! – пожал плечами бывалый мореход. – Я никогда не против подраться. Но пиратов наверняка не меньше восьмидесяти задниц, а нас, считая воинов, матросов, вашу милость, господина Эдгара и меня, всего тридцать пять. Оно бы и немало, поскольку морские головорезы горазды только орать, а дерутся так себе. Тем более сарацины. Но вот малыш нашего рыцаря... Не хотелось бы, чтоб ему грозила опасность, а в драке ведь всякое бывает.

Фридрих усмехнулся:

– Ишь расчувствовался! Раз уж они потащили младенца в такое путешествие, то знали, на что идут. С другой стороны, я бы тоже не оставил его в Акре – кто знает, что там будет через год, два, три?

– А у меня там двое остались, господин барон, – спокойно напомнил Вилли.

– Сравнил! – махнул рукой Тельрамунд. – Дети кормчего – и сын рыцаря, да еще рыцаря, прославившегося в войне с мусульманами! Эти бестии никогда не прощают тех, кто их посрамил. А мстят они (может, ты слышал) до седьмого колена. Так что сын их врага для них – тоже враг. Однако ты мне скажешь наконец, что затеял, селедка ты белобрысая? Тьфу! Из-за тебя и я стал сыпать всякими мокрыми словами...

Вилли добродушно рассмеялся, кажется ничуть не обидевшись на «селедку». И указал рукой на темнеющий вдали горизонт.

– Видите?

– Что? – не понял барон. – Место, где небо подходит к земле? Вижу. Всю жизнь не могу понять, почему мир так велик, а до его края, вроде бы, так близко. И что я должен там увидеть?

– Вон те темные пятнышки, – ответил кормчий и снова перекинул руль, отчего громадный парус когга вдруг «поймал ветер» и сразу надул сильнее, а само судно вздрогнуло, будто проснувшись, и резвее заскользило по изумрудной воде.

– Вижу пятнышки, – кивнул Фридрих. – Это что? Острова?

– Да, ваша милость. Всего их четыре. Небольшие такие островки. Но на одном даже есть пресная вода – мне случалось там наполнять свои бочки.

Фридрих видел лукавую ухмылку моряка, понял: Вилли Рыжий рассчитывает уйти от битвы с пиратами, превосходящими их числом. И, при всей своей воинственности, знамени-

тый рыцарь отлично понимал, что это было бы наилучшим выходом. Раз гонятся за коггом сарацины, то у них наверняка при себе большие мощные луки, которые по дальности боя лишь чуть-чуть уступают знаменитым норманнским лукам. А в этом случае преследователи достанут когг стрелами раньше, чем его арбалетчики, в свою очередь, сумеют обстрелять их. Правда, крепкие борта – неплохая защита, да и щиты у франков надежные. Но стреляя непрерывно, пираты смогут подойти к парусному судну вплотную, а тогда...

– Так чем нам помогут твои островки? – с прежним недоумением спросил барон. – Не думаешь ведь ты за ними спрятаться?

– Поглядим! – снова ухмыльнулся Вилли. – Только бы до них дотянуть.

Новое движение руля – и снова парус напрягся, ускорив движение корабля.

Галера шла за ними со всей скоростью, на какую была способна. На ней не было парусов, и пираты отлично понимали: стоит подняться ветру – и быстроходный когг станет для них недосыаем.

Спустя час можно было уже хорошо рассмотреть преследователей. Длинное гребное судно было действительно арабское, мощное и достаточно легкое на ходу. Веслами орудовали не менее пятидесяти гребцов, и целый строй блистающих кольчугами лучников виднелся на носу. Если раньше еще можно было сомневаться в намерениях преследователей, то сейчас сомнений уже не оставалось.

Эдгар, в полном воинском облачении, с мечом у пояса и арбалетом в руке, показался на палубе и вновь поднялся на кормовую надстройку.

– Вилли, как думаешь, они уже услышат меня, если я им крикну? – спросил он кормчего.

– Ветер к нам, так что мы их уже мошем слышайт, – ответил Вильгельм. – Они нас мошет тоже – это как ви будет кричать. В море тихо-тихо – мошет и услышат?

Молодой рыцарь сложил руки раковиной, поднес ко рту и гаркнул изо всех сил:

– Эй, на галере! Мы – мирные пилигримы, и на нашем судне нет ничего ценного! Ни денег, ни золота, ни масла, ни вина! Зато есть люди, готовые за себя постоять. Оставьте нас в покое!

Несколько мгновений он и его спутники вслушивались, ожидая ответа. Затем на носу галеры, раздвинув ряды воинов, показался человек высокого роста. На расстоянии можно было рассмотреть только его черную бороду и синюю чалму.

Он тоже сложил руки у рта и прокричал на арабском, очевидно уверенный, что его поймут:

– Поворачивайте корабль! Вам все равно от нас не уйти – ветер до заката не усилится. Нам нужен ваш когг и оружие, что есть на нем! Всех паломников мы высадим на ближайшем берегу!

Услыхав это, оба рыцаря расхохотались. И тот и другой отлично знали, что пираты, тем более – сарацины, никогда не отпустят пленников.

– Ну да! – искренне веселясь, вскричал Эдгар. – Вы высадите нас вблизи одного из невольничьих рынков! Раз так, учтите: живыми вы возьмете немногих! Здесь люди, которые умеют драться!

Ответ человека в синей чалме поразил путешественников:

– Вас мало, рыцарь Эдгар! Двадцать воинов и не обученные воинскому искусству моряки, которых чуть больше десятка. А у меня восемьдесят шесть человек, они опытны в битвах, как и я сам! Сдавайтесь! В этом случае вы, ваша жена и ваш ребенок останетесь живы и сохраните свободу! А если попыруетесь противиться воле Аллаха и силе нашего оружия, то сдохнете и пойдете на корм рыбам!

– Вот так новость! – выдохнул, немного опомнившись, рыцарь Лионский. – Ничего себе пираты, чтоб у них рога повырастали на пятках! Они, выходит, знают, кто мы, и сколько нас. И наверняка им ведомо, куда и для чего мы плывем. Проклятие! Кто же их послал?

– Видимо, тот же, кто послал людей, что напали на меня по пути в Птолемиаду. Тех ассасинов, которые убили моего оруженосца, – негромко проговорил Фридрих, и на его лице появилось странное выражение. – Кому-то очень нужно, чтобы мы не добрались до цели нашего путешествия.

И, словно отвечая ему, человек в синей чалме вновь заорал сквозь сложенные ладони:

– Великий Старец Горы хочет, чтобы вы вернулись в Акру, рыцарь Эдгар! Мы сами вас туда отвезем.

– Катись ты к пиявкам в гнилое болото! – взревел молодой человек, разом припомнив ругательства, которые любил еще будучи кузнецом в Лионе. – Осел вислоухий, псина плеши-вая, дерьмодонючий! Кто такой твой Старец, чтобы нам приказывать, куда мы должны и куда не должны ехать!? А ну давай, сунься к нам! Плевать я хотел на восемьдесят с лишним твоих ублюдков! Половина из них выдохнется на веслах, покуда вы нас догоните. Если Бог на нашей стороне, мы с вами справимся.

Все это он прокричал уже на французском языке, не сомневаясь, в свою очередь, что ассасин его поймет. И тот отлично понял. Последовал взмах руки, воины на носу галеры вскинули луки, и десятка два стрел плюхнулись в воду на расстоянии в тридцать туа²⁵ от кормы когга.

– Ага, разозлился! – с торжеством пробормотал Эдгар. – Иначе не отдал бы приказ стрелять, видя, что стрелы еще не долетят. Эй, арбалетчики! Занять позиции на корме и вдоль левого борта! Приготовиться к бою.

Вильгельм, посплюнув, поднял палец, и слегка хмыкнул:

– Этот сухопутный собак врет. Ветер будет сильней еще долго до заката. Но мы, я так думаю, и без него справляться. Вот еще немножко!

²⁵ Туаза – в ряде стран средневековой Европы – мера длины. Составляла около 180 см.

Глава 9

Глубина осадки

Когг со всей скоростью, какая только возможна при слабом ветре, шел к группе островков, уже хорошо видимых. Они представляли собою просто крупные утесы, частью голые, частью покрытые кустарником и деревцами, низкими и корявыми от постоянного сражения с морскими ветрами. Вокруг этих утесов тучами вились птицы.

Островки находились примерно в двухстах туазах от когга, когда с галеры вновь рванулись стрелы, и на этот раз с десятков их воткнулись в корму и левый борт. Однако и на корме, и у борта уже блистали ряды сдвинутых щитов. Один лишь Вилли стоял у руля, ничем не прикрытый, все с той же невозмутимостью управляя кораблем.

– Воины! Закройте щитом рулевого! – приказал Эдгар.

– Не надо! – возразил Вильгельм. – Щит будет мне мешать. Если я не так хорошо видеть все, мы будем погибать.

– А если тебя подстрелят? – спросил молодой рыцарь.

– А если мачта будет падать мне на голову? Бог не захочет, мне ничего не будет! Бог решай, чтобы Вилли Морской пошел кормить акул, значит так и станет.

– Сдавайтесь, рыцарь Эдгар! – вновь прозвучало с галеры, и снова стрелы полетели густо и мощно, и некоторые, перелетев борт, застучали по сдвинутым щитам воинов.

В этот момент Эдгар вспомнил, что так с ним уже было. Так было почти полтора года назад, когда он вез принцессу Беренгарию Наваррскую и королеву Элеонору Английскую в Мессину²⁶, к Ричарду Львиное Сердце. Они еще ехали по дорогам Франции, и когда пришлось скакать сквозь густой лес, их отряд вдруг остановили разбойники. По крайней мере, сперва Эдгар так подумал. Но предводитель разбойников неожиданно обратился к нему по имени. Правда – по имени его друга: главарь лесной банды назвал его Луи Шато-Крайном. И ведь в действительности сопровождать венценосных дам должен был именно Луи! Потом оказалось, что этот главарь был тамплиером и что его послал магистр Жерар де Ридфор с целью захватить Беренгарию и таким образом получить власть над королем Ричардом, безумно любившим свою невесту.

Теперь все повторялось. Загадочный ассасин оказался необъяснимо осведомленным.

– Арбалетчики! – крикнул молодой рыцарь. – Давай!

Двадцать стрел из-за зубцов кормовой надстройки ринулись навстречу галере, и двое сарацин, как тряпичные куклы, рухнули головой вниз.

Преследователи этого не ожидали. До Эдгара и его спутников донеслись бранные выкрики, над бортом галеры тоже появились щиты. Однако она сидела в воде ниже когга, и поэтому ее было удобнее обстреливать. Новые потоки стрел понеслись с той и с другой стороны. На паруснике был ранен один из воинов, с галеры упал еще один лучник.

– Они догоняют нас! – произнес Эдгар, тоже выпуская стрелу и с удовлетворением замечая, что она попала в плечо гребцу.

– Отшень карашо! – воскликнул Вилли Рыжий. – Тэперь они уже не станут меняйт направлений! Пускай так и идут.

Легкий когг достиг островков. Он вошел в пространство меж самым большим утесом и самым маленьким, который был просто высокой скалой, издали напоминавшей по форме сжатый кулак. Островки отстояли друг от друга примерно на полсотни туаз.

²⁶ Мессина – столица Королевства Сицилия, где долгое время находились войска Ричарда Львиное Сердце, сделав отдых на пути в Палестину, во время Крестового похода. Именно в Мессине король обвенчался со своей невестой Беренгарией Наваррской, которую привезла к нему мать – отважная королева Элеонора.

Стрелы, тучей посыпавшиеся с галеры, на этот раз ранили двоих французов. Но арбалетчики, выдвинув оружие из-за щитов, прицелились уже тщательнее, и их выстрелы свалили сразу четверых пиратов, после чего остальные поспешно укрылись щитами.

– Послушайте, Эдгар Лионский! – снова закричал человек в синей чалме, и теперь его было уже хорошо слышно. – Давайте обойдемся без драки. В конце концов, мне нужен только один из вас – рыцарь Фридрих Тельрамунд! Старец Горы хочет говорить с ним. Пускай рыцарь Тельрамунд высадится на одну из этих скал, и мы его подберем! После этого можете плыть, куда вам вздумается!

– Вот оно как! – тихо проговорил Фридрих, кажется даже не очень пораженный словами ассасина. – О чем же таком я знаю, что за мной началась настоящая охота, а?

– И я бы тоже хотел понять, что вы такое знаете, мессир! – Эдгар посмотрел на своего спутника и вдруг улыбнулся. – Странно иногда судьба сводит людей, ей-богу!

– Я не хочу терять моих людей и не хочу перебить всех вас! – продолжал взывать человек в синей чалме. – На что вам сдался этот немец? Высадите его или скиньте за борт – и мы отстанем от вас!

– На что мне сдался этот немец!? – теперь уже Эдгар совершенно разъярился. – Ты будешь решать, крыса сарацинская, кто мне нужен, а кто нет!? Это ваш Старец, змей подкольный, вампир ночной, учит вас натравливать христиан друг на друга! Ему нужно, чтоб мы друг друга ненавидели! Ах ты, потрох гусиный, сучья блевотина! Давай-давай, догоняй нас! И посмотрим, как вы умеете драться!

С галеры снова стали стрелять, на этот раз беспорядочно. Две стрелы воткнулись возле самой руки Эдгара, которой тот опирался о борт. Рыцарь Лионский расхохотался и выстрелил в ответ. Вновь, как всегда бывало в мгновения битвы, в нем ожил легендарный предок – Эдгар из Оверни, прославленный рыцарь и неустрашимый воин. Он не думал ни о чем, кроме битвы, и не боялся ничего и никого, кроме Бога.

В это время за его спиной раздался отчаянный вопль. Вopil Вилли Рыжий:

– Держите его, рицар! Держите! Мне надо держайт руль, или ми пойдем к акуль! Што он такой придумаль!?

Эдгар, швырнув арбалет на палубу, вцепился в плечи Фридриха, который уже успел вскочить на борт приготовился прыгнуть в воду.

– Пустите! – Тельрамунд ударил Эдгара с такой силой, что молодой человек едва не потерял равновесие. – Пустите! Это – мое дело!

– Здесь командую я! – заорал Эдгар. – И я не разрешаю вам покидать отряд! Раз они так хотят вас уничтожить, значит, вы можете нам в чем-то очень сильно помочь. Или что-то другое можете и знаете, что послужит делу Господа и помешает Его врагу! Не сходите с ума, Фридрих!

– У вас ребенок, Эдгар! Малыш, который ко всему этому не имеет ровно никакого отношения! Убирайтесь, дьявол вас заберет!

– Если вы покинете корабль, он заберет вас, потому что это – самоубийство! Выкиньте из головы свою идиотскую затею, или я буду думать, что все прирожденные рыцари – недоумки, кроме моего братца Луи и короля Ричарда Львиное Сердце! Хватит! Я – не ваш тамплиерский приятель Лоэнгрин, чтобы принимать такие жертвы!

Последние слова вырвались у Эдгара Лионского против воли, но он понял, что попал в цель.

– Что!? Да ты-то откуда знаешь, мальчишка!? Что тебе за дело!? Пусти или я убью тебя!

Тельрамунд схватился за меч и готов был обнажить его, но в это время с палубы послышались крики матросов и воинов:

– О-о-о! Что это с ними!?

– Вот это да! Ха-ха! Да они влопались!

Разом обернувшись к галере, о которой они в пылу перепалки позабыли, оба рыцаря увидели, что гребное судно уже не плывет за ними. Оно беспомощно торчало, именно торчало посреди пролива, разделявшего маленькие острова, причем нос галеры задирался все выше, а корма на глазах уходила вниз, погружаясь в воду. Сарацины, сразу не понявшие, в чем дело, теперь принялись отчаянно вопить.

– Отлично! – воскликнул Вилли, прицеливая пальцами свободной руки и расплываясь самой лучезарной улыбкой. – Просто отшень карашо! Постреляли, а теперь мощно и поплавайте!

– Ничего не понимаю! – Фридрих, моментально опомнившись, поднялся к кормчему и ошеломленно смотрел на тонущую галеру. – Вилли, ты что, умеешь колдовать? Они сели на подводную скалу в том самом месте, где только что преспокойно прошел наш корабль!

Вильгельм заулыбался еще шире:

– Правильно! Только они сидели в воде почти вдвое глубже нашего. Надо знать разницу в осадке когга и галеры, да еще когда на ней в два с лишним раза больше людей и в три раза больше железа – оружия-то они всегда возят на две таких банды! Ну что же, скорее потонут! Мне доводилось видеть, как на этот камень вот так же напарывались корабли с большой осадкой, а негруженое судно однажды прошло невредимым. Тогда-то я решил нырнуть, чтоб посмотреть, на какой глубине находится скала.

И, заметив подошедшего и тоже совершенно ошеломленного Эдгара, кормчий перевел свой ответ на французский, еще смешнее, чем обычно, коверкая слова.

Галера, которой подводный риф вспорол днище от носа до середины корпуса, быстро погружалась. Сарацины прыгали с нее в воду, пытались добраться до островков, однако сильное течение тащило их в море. Многие, не умея как следует плавать, стали тонуть под тяжестью своих доспехов, других на плаву подстреливали арбалетчики с когга. К пиратам ни воины, ни моряки не питали ни малейшего сочувствия, и никому не пришло в голову спасти барахтавшихся в воде разбойников.

Человек в синей чалме все еще стоял на палубе, вцепившись в борт, и смотрел на ускользающую добычу. Его глаз нельзя было разглядеть, но Эдгар был уверен, что они полны не страха, а ярости.

– Надо бы было достать его оттуда! – произнес Фридрих. – Иначе мы так и не поймем, кто и почему охотится за нами. За мной... А это и в самом деле может иметь отношение к исчезновению Ричарда. Но ведь ублюдок не дастся живым, даже рискни мы приблизиться к галере.

– Будь ты проклят, Тельрамунд! – завопил вдруг ассасин. – Тот, кто изменил обетам, не получит прощения ни у нашего, ни у своего Бога!

– Я никаких обетов не давал! – крикнул Фридрих.

Ответом был взмах руки, которую человек в чалме до сих пор держал опущенной.

– Осторожно – арбалет! – воскликнул Эдгар.

Когг был всего в полутора десятках туаэ от галеры, и пущенная с такого расстояния стрела наверняка достигла бы цели, а у Тельрамунда не было щита и уже не хватало времени, чтобы отпрыгнуть за выступ кормовой надстройки.

Но тетива прозвенела возле самого уха немецкого рыцаря, – и раньше, чем ассасин успел выстрелить, стрела пробила его горло. Он широко разинул рот, выронил свой арбалет и рухнул с высоко задравшегося носа галеры головою вниз.

– Вот тебе, дурак! – звонко воскликнул рядом с Фридрихом почти детский голос. – У-у-у, как ты меня напугал! А у Луизы, кажется, со страху молоко пропало.

– Мария! – ахнул Эдгар. – Почему же ты меня не слушаешься?

– Так ведь вроде бы уже все кончилось? – она жалобно заморгала пушистыми ресницами. – А там, в каюте, ничего не видно и та-ак страшно...

– Кажется, вы спасли мне жизнь, маленький Ксавье! – задумчиво проговорил Фридрих.

Она нахмурилась:

– А не надо было! За что вы ударили моего мужа?

– А, правда, за что? – Эдгар посмотрел на барона, едва удерживая улыбку.

И невозмутимый Фридрих вдруг до самых ушей залился алой краской:

– Простите, мессир! Но вас никто не просил мне мешать, равно, как и вспоминать всякую ерунду из моей прошлой жизни. Кстати, откуда вы это взяли?

– Потом расскажу, – отмахнулся молодой рыцарь. – А пока что, думаю, нам не мешает вдвоем обнять нашего Вилли. Я и представить себе не мог, что он может такое выдумать!

– О, только не обнимать меня втвоем! – завопил храбрый кормчий, прячась за руль. – Ви два, если обнять, то ломать мой бедный кости! Или ломать борт, и ми все падайт в воду. А там сейчас будет много-много акул. Потому что акулы ошень любит кушайт морской разбойники...

Пока он говорил, когг миновал, наконец, опасный проход между скалами, и черный силуэт разбитой галеры почти скрылся из глаз.

Часть вторая

Бродячие трубадуры

Глава 1

Седой Волк возвращается

Летом Лондон делался тесным и шумным. Частые в это время года ярмарки порождали непрерывный поток ползущих по главным улицам повозок, малейший ветерок разносил вокруг целые облака пыли, загоняя их в окна домов, а прохожих заставляя кашлять и зажимать носы. Там же, где улицы были мощеные, подкованные копыта лошадей, ослов и волов²⁷ нередко выворачивали из земли камни, ломали деревянные настилы, и в дождливую погоду в выбоинах собиралась, а после застаивалась вода.

Королева Элеонора, никогда не любившая Лондона, последние год с небольшим жила в нем лишь по необходимости: волею своего сына короля Ричарда королева-мать в его отсутствие была оставлена править Англией, а значит – должна была хотя бы какое-то время находиться в столице. Но даже если бы ей здесь нравилось, обстоятельства все равно вынуждали ее то и дело уезжать, посещая разные графства²⁸ страны: едва Ричард Львиное Сердце отправился в Крестовый поход, его младший брат граф Иоанн начал поднимать смуту, пытаясь восстановить Англию против ее государя. Когда же стало известно об исчезновении короля, малоумный граф и вовсе взбесился – он бросился уверять свое окружение и всех вассалов, подданных Ричарда, что того уж точно нет в живых, что нельзя оставлять страну без твердой власти, что нужен новый монарх.

Правда, Иоанн по старой привычке и в силу удивительной слабости характера все так же боялся своей матери. Поэтому стоило Элеоноре появиться там, где он мучил народ, готовя бунт, как все очень быстро успокаивалось. Сам возмутитель порядка мигом признавал свою неправоту, а жители городов и сел тут же спешили забыть его призывы: во-первых, взбалмошного графа никто не любил, а во-вторых, англичане не хотели верить в гибель своего легендарного короля. Люди всегда доверяли Элеоноре, которая клялась Божиим именем (и при этом ничуть не лукавила!), что чувствует близкое возвращение Ричарда. Доверяли – и потому не желали слушать истеричных возгласов Иоанна, уверявшего, будто не раз видел во сне гибель старшего брата.

В несчастье, которое постигло ее любимого сына, отважная королева отчасти винила себя. Ведь это она, Элеонора, поддавшись, как ей казалось, слабости, отправила Ричарду в Палестину тревожное письмо, извещая, что Иоанн поднимает против него север Англии, что к бунтовщику-графу готовы примкнуть некоторые вассалы, и очень опасно полагаться на небольшие военные силы, которые оставались в ее распоряжении, пока основная армия билась с мусульманами вдали от родной земли. Возможно, это письмо стало одной из причин, побудивших Ричарда не довести до конца столь успешно проведенный им Крестовый поход, не захватить Иерусалим, преждевременно заключить мир с Саладином и объявить о своем возвращении в Англию.

Конечно, Элеонора знала, как тяжело было ее великому сыну справляться со строптивостью других вождей крестоносцев, как их распри и своеволие развалили некогда сплоченное

²⁷ В Средние века волы (выхолощенные быки) являлись распространенным гужевым транспортом, поэтому их подковывали, равно, как и лошадей.

²⁸ В Европе того времени графства были основными административными единицами, на которые разделялось королевство.

войско, как жестоко было разочарование короля-героя в искренности христианского порыва всех этих королей, герцогов, баронов... Да, Ричард заключил мир не потому, что сознавал невозможность победы, но потому, что видел: ее не удастся сохранить. И все-таки, если бы он мог задержаться, если бы все же взял штурмом Святой Город, то, может быть, и договор был бы суровее в отношении Саладина, и результаты победы убедительнее для христиан. А раз так, то это она, Элеонора Английская, виновата в том, что героические подвиги ее сына во многом оказались напрасны. Могла бы и сама продержаться, могла бы не писать того письма. Другие писали? Писали, да. Преданные королю графы, даже шериф²⁹ одного из графств, где Иоанн едва не поднял восстание городской гильдии³⁰. Но их страхи не могли встревожить Ричарда так, как опасения матери. Он ведь знал, что она ничего не боится. А тут испугалась!

«Старая клуша! – бранила себя Элеонора. – Никуда ты уже не годишься, если скисла перед таким дураком, как твой младший сын. И подвела Ричарда...»

Когда бывали спокойные дни и недели, королева уезжала из столицы. Правда, ей уже не удавалось уединяться в каком-нибудь из своих замков, чтобы, как бывало, встречаться с учеными людьми, часами читать, спрятавшись в укромном гроте, или же самозабвенно охотиться и вечерами, сидя на сложенном плаще, возле костра, пить вместе со своими охотниками горячее вино и, обжигаясь, стаскивать с вертела хрустящие кусочки оленины или кабанины и осторожно откусывать румяную корочку под смех и песни ловких загонщиков и стрелков.

Теперь она выезжала в какое-то из графств, якобы, чтобы там отдохнуть, на деле же следя за настроениями властей и народа и стремясь, в случае чего, предотвратить смуту.

Поджидая новых известий от рыцаря Блонделя и графа Луи Шато-Крайона, вновь пустившихся на поиски Ричарда, Элеонора решила впервые за долгое время навестить свою родину, богатую и счастливую Аквитанию. Всю жизнь она любила эти прекрасные места, всю жизнь ей хотелось бывать здесь как можно чаще, но удавалось это, напротив, очень редко.

Путь в Аквитанию не занял много времени, даже переправа через Ла-Манш на сей раз обошлась без приключений, ну а странствие верхом по английской части Франции королева всегда очень любила. Королеву помнили и чтили и в графстве Тулузском, и в Пуату, где ей приходилось бывать и где каждый ее приезд вызывал целое нашествие местных менестрелей и поэтов. Правда, на этот раз Элеонора и ее свита почти нигде не задерживались дольше, чем того требовали отдых, перековка лошадей и самый краткий сон путников. Жизнь в седле всегда нравилась королеве, а ее по-прежнему железное здоровье позволяло пренебрегать лишней заботой о себе.

«Почему я так спешу туда? Почему?» Она хотела и не могла себе признать в неожиданной слабости. Сейчас, когда судьба послала ей новое, пожалуй, самое страшное испытание – не просто ежечасный страх за жизнь любимого сына, но ежечасное сомнение в том, жив ли он вообще, – именно сейчас у королевы вдруг появилось горькое и жестокое чувство невозвратности прожитого, невозвратности многого, что осталось в долгой-долгой жизни, которая сейчас казалась краткой, будто пронесшейся на взмыленном коне. Правда, Элеонора никогда не посмела бы сетовать, что жизнь промелькнула мимо – она всегда неслась вместе с нею, всегда была готова опередить события и, пренебрегая риском, рвануться в неизвестность. Неистовая королева действительно ничего не страшилась, и все, что можно было взять в этой бешеной гонке, не поступаясь Божьими Заповедями и не роняя себя, она взяла и ни о чем теперь не жалела.

Ей было не жаль даже тех пятнадцати лет, что пришлось провести, по сути дела, в заключении, под самым строгим надзором в одном из замков Южной Англии. Туда ее отправил муж,

²⁹ Шерифами назывались должностные лица, осуществлявшие надзор за порядком и, в случае надобности, творившие суд в графствах средневековой Англии.

³⁰ Гильдия – средневековое профессиональное объединение ремесленников.

король Генрих, уязвленный тем, что она возражала против его открытых любовных интриг с кем попало, но гораздо более – тем, что его придворные и знать уважали мнение королевы больше мнения самого Генриха. Он, возможно, даже опасался заговора с ее стороны. Глупец! Кто, как не она, знал, что бунты и заговоры никогда не приносят удачи. Рано или поздно их зачинщикам приходится платить более дорогую цену, чем жертвам этих заговоров и бунтов.

В те годы, когда вокруг было очень мало людей (из всех близких один только Ричард навещал ее постоянно, чем вызывал гнев отца), Элеонора как никогда много читала, как никогда, много молилась, как никогда много думала. И многое из того, что прежде казалось ей непонятным, вдруг представилось ясным и простым. Правда, возникли новые вопросы, и ответить на них можно было, только прожив еще немало лет. Она тогда особенно сблизилась с Ричардом, особенно много сумела ему дать, не говоря уж о том, что научила его бегло читать и писать без ошибок, обучила латыни и еще некоторым наукам, которые, что бы ни говорили его рыцари, были вовсе не лишними для короля.

Но что же тогда происходит с нею сейчас? Она никогда не думала о том, что уже стара – просто знала это и принимала как должное. Хотя ни здоровье, ни отношение окружающих людей ей об этом не напоминали. Даже зеркало до поры было милосердно – лицо, которое она в нем видела, вряд ли сильно огорчило бы даже пятидесятилетнюю даму, а уж доживая седьмой десяток, можно было только изумляться, как мало росчерков оставила на этом лице жизнь.

Так в чем же дело? Что за странная тоска о невозвратном толкает ее под зеленые сени Аквитании, к стенам родового замка, где сейчас живет один из ее двоюродных братьев, и где она ни за что на свете не остановится? Внешне Элеонора была в ровных отношениях со своей аквитанской родней, встречалась, когда нужно поддерживала, однако... Никто этого не знал. Никто, кроме епископа Бернара, теперь уже почившего в Бозе, которому однажды она исповедалась в том жгучем гневе, почти ненависти, которые питала к своим родным. Питала после рокового утра, когда они отняли у пятнадцатилетней Элеоноры ее счастье.

Взмахом руки королева отпустила от себя сопровождавших ее придворную даму, семейных воинов и двух пажей.

– Я прокачусь по лесу одна, – сказала она, привычным жестом касаясь арбалета. – Может, подстрелю фазана или пару куропаток. На ужин хочется дичи. А вы пока поезжайте к замку шерифа Роальда. Шериф хотя и предупрежден, что я буду жить у него несколько дней, наверняка не ожидал, что мы прибудем так скоро. Пускай прикажет на завтра подготовить охоту, уж здесь-то я отведу душу! А ты, Кло (это относилось к Клотильде, как обычно, сопровождавшей королеву в ее путешествии), напомни, пожалуйста, слугам в замке, что ванну я люблю не очень горячую, и что вместо всяких масел в воду лучше всыпать розовых лепестков – так я привыкла мыться в детстве.

– Но, миледи, – Клотильда понимала, что возражать Элеоноре бесполезно, однако ее к этому понуждал долг, – все же этот лес удален от герцогского замка и от города. Быть может, хотя бы двух воинов охраны вы с собой возьмете?

– Чтобы они лязгом щитов и мечей распугали всю дичь в окрестностях? – голос королевы был спокоен, но так холоден, что придворная дама покорно опустила глаза. – Если мой полоумный сынок Иоанн задумает меня убить (чего, надеюсь, не придет даже в его голову), то пошлет для этого не двух воинов и не два десятка, а уж точно человек пятьдесят. Меньшего я в его глазах не стою. Так чем тут помогут два воина? Поможет только конь, если окажется проворен. Если же здесь водятся разбойники, то от них тоже можно либо ускакать, либо перестрелять их. Все, Кло, не утомляй и не раздражай меня. Поезжайте!

Убедившись, что стук копыт ее небольшого отряда смолк в отдалении и никто не решился, вопреки приказу, тайно следовать за нею, Элеонора развернула коня и углубилась в лес. Это была одна из ее любимых некогда пышных дубрав. Здесь она когда-то подстрелила

первую в своей жизни дичь – крупную фазанью курицу, которую с гордостью показала отцу, а он одобрительно кивнул: «Подбить дичь на лету – честь и для опытного охотника!»

Здесь прошло немало замечательных дней – она охотилась, собирала цветы, сбегав от свиты, тайком купалась в ледяном ручье, что тек из небольшого озерца, сливаясь затем с большой рекой. Здесь она сидела в траве, скинув башмаки и упоенно вдыхая пронзительный запах мхов и нагретой солнцем коры, меда и воды. Здесь же, на большой поляне, под длинной-длинной веткой большого дуба, Элеонора остановила коня в тот день. И на другом конце поляны тоже появился конь. Она еще решила, что это ей кажется. Конь был такой красивый и всадник тоже! И много-много раз потом она вспоминала, как прозвучал его голос: «Вы кто? Как вас зовут?» – «Я – Элеонора. А вы?» (Ей и в голову не пришло, что учтивый рыцарь должен был назвать себя первым, да и он об этом не подумал – они оба молчали целую вечность, и он просто первым решился заговорить). «Я – Ричард. Ричард Грей». – «Ричард! Какое у вас красивое имя... Вы тоже красивый!» – «Что вы, леди! Разве что-нибудь или кто-нибудь смеет быть красивым рядом с вами?»

Вот она, эта поляна. И дуб. Как здорово, что дубы так медленно растут и так долго не старятся! Прошло пятьдесят три года, а дерево совершенно не изменилось. И эта ветка точно так же нависает чуть не над всей поляной. И шиповник вокруг цветет так же пламенно. А поляна точно так же покрыта пятнами света и тени, и они колышутся, меняют форму, и лучи солнца, пронизывая дубовые кроны длинными золотыми мечами, падают, вонзаясь в траву. А по ту сторону поляны – будто ворота, сплетение лиан и вьюнов над широкой тропой, и свет, входя под эту загадочную сень, призрачно тает, вызывая ощущение, будто сейчас, сию минуту, кто-то возникнет в таинственном проеме.

Там он тогда и возник. Ее рыцарь. И сколько раз потом она ждала этого таинственного мгновения, когда силуэт коня и всадника прорисуетя в полутьме тропы. И злилась, если Ричард приезжал на свидание раньше нее – из-за этого терялось мгновение столь желанного чуда. Но как однажды ей стало страшно, когда он совсем ненадолго опоздал!

– Боже мой! – прошептала Элеонора и даже осенила себя крестным знаменем. – Неужели я до сих пор этого не пережила? Неужели я хотела сюда вернуться только из-за этого!? Господи, я же не девчонка! И я не сумасшедшая. Что со мной? Господи Иисусе Христе, прости меня, грешницу! Спаси, сохрани и помилуй!

Ее губы твердили молитву, меж тем она, не думая и почти не чувствуя того, что делает, послала коня вперед и натянула поводья точно в том самом месте, прямо под ветвью, простертой, будто крыло, над поляной.

Они стояли, окаменев, не двигаясь. Конь и всадница. И ждали. Хотя конь совершенно не понимал, чего она хочет, а она отлично знала, что ждать нечего. Время не поворачивает вспять, и там, под зеленой аркой тропы, уже никто не появится.

Негромкий шорох, хруст, птица, внезапно выпорхнувшая из кустов, как раз с той стороны поляны. Что бы это означало?

Рука Элеоноры скользнула вдоль седла, коснулась арбалета. Что-то внутри подсказывало: не стоит его снимать – опасности нет. Однако сердце женщины вдруг заколотилось, словно бешеное. Показалось, что у нее кружится голова, а это было уже из ряда вон – она не испытывала головокружений даже при самой сумасшедшей скачке, даже когда смотрела вниз, стоя над пропастью. Как же это понимать?

В темном проеме тропы появилась, очерченная тонким контуром света, фигура. Конь и всадник. Бесшумные и нереальные.

Элеонора снова перекрестилась.

– Я не сойду с ума! – вслух сказала она. – У меня просто нет на это времени. Я должна помочь сыну. А прошлое умерло.

Всадник тронул поводья, и конь медленно выступил на свет. Его мощная фигура была под стать фигуре всадника. Блеск кольчуги, шлем, рука, лежащая на крестообразной рукояти меча... Нет, этого не может быть!

– Ричард! – крикнула Элеонора, не узнавая своего голоса – звонкий и молодой, он прозвучал из той немыслимой бездны, которую только что, казалось, переступил конь неведомого всадника.

– Как вы меня называли!?

Этот изумленный вопрос, как и этот голос – мощный и звучный, но другой, не юный, не трепещущий, сразу вернули Элеонору в действительность. Совпадение было пугающим и невероятным, но лишь совпадением. И она сейчас далека от того, чтобы упасть в обморок из-за несбывшегося чуда. Бог творит чудеса. Но не такие.

Кроме того, королева почти сразу узнала ехавшего ей навстречу человека. И, поняв, кто это, вскрикнула от радости:

– Вот так встреча! Сир Седрик Сеймур, наш исчезнувший рыцарь!

Да, то был герой Крестового похода Седрик, рыцарь, который полтора года назад, будучи семидесяти пяти лет от роду и проживши уже долгий срок полным отшельником, пустился в опасное путешествие. Он помог юному Эдгару Лионскому довести мать и невесту Ричарда Львиное Сердце до Мессины, а затем принял участие в штурме Птолемиады. Именно Седрик Сеймур придумал, как, соорудив подкоп, сокрушить стены Проклятой башни – главной твердыни неприступного города, и благодаря этому город был взят. Он совершил еще немало подвигов, и Ричард готов был наградить его, как одного из главных героев похода. Однако сир Седрик уехал из Палестины, едва король заключил договор с Саладином. Уехал еще раньше, чем сам Ричард, и с тех пор о нем не было известно ровным счетом ничего.

Элеонора вернулась в Англию вскоре после знаменитой Арсурской битвы³¹, вернулась потому, что об этом просил король. Во-первых, он хотел, чтобы мать увезла подальше от опасности его беременную жену, во-вторых, чтобы она и сама оказалась вдали от сражений, а главное – чтобы Англия не оставалась слишком долго без королевского правления: на Элеонору он вполне рассчитывал, но вот остававшийся на родине братец Иоанн внушал всяческие опасения, которые и подтвердил вполне... Королеве, само собою, хотелось, чтобы Седой Волк (так прозвали сира Седрика, отважного охотника и беспощадного истребителя разбойничьих шаяк, местные жители) перебрался в Лондон и оказался в ее свите. За то время, что они провели бок о бок в лагере Львиного Сердца, королева успела почти сдружиться со старым рыцарем, а его воинское искусство и мудрость внушали ей особенное доверие. Она посылала в долину под Кентербери своих слуг, даже и сама туда съездила, разыскивая Сеймура, однако его домик в долине лесной речушки нашла заброшенным.

Местный корзинщик, которому рыцарь оставил на содержание своего громадного пса, дав при этом целый кошель серебра, сказал, что старый отшельник, по его словам, решил еще попутешествовать, но куда отправился, не сообщил. Это опечалило Элеонору. Особенно когда стало известно об исчезновении Ричарда – ах, как мог бы помочь в его поисках умный, сообразительный и невероятно опытный человек! Но его рядом не было...

– Это вы, королева?! – Седой Волк казался изумленным ничуть не менее Элеоноры. – Как же это вас сюда занесло?

– Я родом отсюда. И приехала, чтобы в родных местах хоть немного отдохнуть от государственных дел. Но куда пропали вы? И каким образом появились именно сейчас и именно здесь?

³¹ Арсурская битва – одно из самых знаменитых сражений Третьего крестового похода, переломившее весь ход войны. Проявив огромный полководческий талант, выдержку и неслыханную отвагу, Ричард Львиное Сердце разбил в этой битве громадную армию Саладина, по крайней мере вдвое превосходившую его собственные силы, и обратил мусульман в бегство.

Он улыбнулся в свою короткую серебристую бороду, отчего его крупное, будто отчеканенное на старой бронзе лицо стало мягче и как бы еще моложе, хотя и так казалось, что ему лет на двадцать меньше, чем было на самом деле:

– Представьте, ваше величество, что я тоже родился неподалеку отсюда. И мне тоже захотелось на старости лет взглянуть на эти места, которые я давным-давно покинул. А куда я девался? Видите ли, после того, как мой молодой друг сир Эдгар подбил меня очертя голову кинуться на поиски подвигов и славы, я, старый дурень, вообразил себя прежним. И уж не смог жить, как раньше, в моем логове, с конем, собакой и воспоминаниями. Вот мне и пришлось в голову постранствовать еще, хотя, уж кажется, настранствовался. Я отправился в Италию, повоевал там с прибрежными разбойниками, которым береговое право вбило в черепушки, что можно заманивать на скалы корабли и убивать ни в чем не повинных мореходов. Потом отправился на Сицилию и много, где еще побывал.

– А почему возвратились?

Она спросила это, откуда-то зная, что он ответит. И не удивилась, услышав ответ:

– А до меня, ваше величество, дошла весть, что ваш царственный сын не вернулся из Крестового похода. Говорили, будто его корабль потопила буря, и он утонул. Только я в это не верю: не мог утонуть Ричард Львиное Сердце! Может, я дурак, но я уверен – он жив! И, думается мне, вы тоже не сидите, опустив руки, а ищите его. Вот я и решил, что, может, еще пригожусь своей королеве.

Элеонора улыбнулась, хотя губы все же ее выдали, задрожали:

– Никого, пожалуй, я так сильно не хотела бы сейчас видеть рядом, как вас, мессир!

Он покачал головой:

– Однако, увидав меня, вы позвали кого-то другого. С кем-то меня спутали?

– Да, – ответила королева, глядя ему прямо в глаза. – Моя память сыграла со мной шутку. Это бывает. Но тот человек, как бы я ни желала, уже никогда не придет. Едем, мессир! Я представлю вас шерифу Роальду, у которого собираюсь пожить дня три-четыре, а за это время мы с вами многое должны обговорить.

И, не дожидаясь ответа, зная, Элеонора резко развернула коня.

Глава 2

Надпись на рукояти меча

Граф Луи Шато-Крайон не любил постоянных дворов. Из-за грязных постелей, чада и вони, из-за потных толстух, что подносили постояльцам еду и вино и норовили задеть сидящего крутым бедром, а то невзначай выгрузить на деревянный стол полунагую грудь, похожую на пару спелых тыкв. Правда, если вместо толстухи по просторной комнате с кружками и мисками сновала ловкая и востроглазая красотка лет восемнадцати, то еда становилась аппетитнее и даже постель вроде бы опрятней. Но в таком месте все равно могли обокрасть (этого особенно боялись оруженосцы: а ну как украдут коня – хозяин голову снимет!), могли затеять драку из ничего, и если столь непристойно вели себя проезжие рыцари, то всегда был риск в такую драку затесаться, чего Луи тоже не любил: если уж драться – так надо знать, за что. И наконец, на постоянные дворы часто совершали набеги лихие люди, мастера «лесного промысла», а уж в этом случае схватка бывала всегда жестокой и смертельной.

Правда, Луи никогда не боялся драться один против нескольких противников – тем более, если то были люди, не слишком хорошо вооруженные и не особенно искусные в битве. Но одно дело – когда в бродячей шайке человек пять-семь, ну а коли десять—двенадцать? Тут уже неизбежно отступление, а отступать рыцарю перед каким-то сбродом...

По всем этим причинам Луи обычно предпочитал ночлег на огороженном крестьянском дворе, где всегда находил прикрытое навесом сено, либо, если не было дождя, устраивался под открытым небом. Платить за это нужно было совсем немного. Ему не раз говорили, что иные рыцари и вовсе не платят: будь, мол, счастлив, деревенщина, что у тебя заночевал благородный человек! Однако графу такое бесстыдство претило. Здесь же всегда можно было за простые медяки купить хлеба (если он у хозяина был) и вина, а если хозяйка попадалась молодая, смазливая и шаловливая, то она обычно приносила и горшочек вареных бобов, а иногда (если двор был позажиточней) и кружок деревенской колбасы, которую Луи обожал.

В крайнем случае можно было заночевать среди поля или в лесу, но это было уже совсем небезопасно (Луи помнил рассказ Эдгара о первом подобном ночлеге новоиспеченного рыцаря), и молодой граф, при всей своей отваге достаточно рассудительный, не злоупотреблял в этом смысле стараниями своего Ангела-хранителя...

На сей раз остановиться пришлось все же на постоялом дворе. И дело даже не в том, что другого места для ночлега в этой деревушке не нашлось (лачужки здесь были одна беднее другой – какие там дворы и хозяйства!), а в уговоре, который был у них с Блонделем: рыцари условились встретиться именно здесь.

Луи побывал в герцогстве Штирия, где провел всего четыре дня, потому что на него не стоило тратить больше времени. Среди всех тех мест, где, по мнению разведчиков, мог быть спрятан плененный король (Луи, как и Блондель, как и королева Элеонора, не сомневался, что Ричард попал в плен к кому-то из своих многочисленных врагов), Штирия представлялась наименее для этого подходящей. Здесь располагалось всего несколько крупных старых замков, способных скрывать такую тайну. Правда, из них только два годились для этой цели в настоящее время: остальные были разорены и преданы запустению – недавняя война герцога Штирии со своим соседом заставила нескольких баронов покинуть фамильные владения. Впрочем, Луи в неполные двадцать два года был достаточно умудрен опытом и потому не стал легкомысленно обходить стороной цитадели, в которых, судя по виду, уже два-три года никто не живет. Он побывал и в них, и если там еще обитали прежние слуги, либо ловкие бродяги, занявшие до поры до времени пустующую твердыню, то странствующий рыцарь, выставляя кувшин вина и запросто напрашиваясь на ночлег, легко вызнал об этом замке все, что ему было нужно. И всякий раз убеждался, что тайных подземелий тут нет и никого не прячут.

Два замка, которые по-прежнему занимали их хозяева, граф Шато-Крайон, разумеется, посетил также. Здесь он не называл своего имени и не говорил, что он рыцарь. В ход шла давно придуманная Блонделем уловка: плащ, шлем и кольчуга исчезали в дорожном мешке, взамен на голове появлялась войлочная шляпа, а за плечами – лютня. И вот уже не странствующий рыцарь, а странствующий трубадур проезжал под стенами цитадели, развлекая обитателей замка музыкой и обещая спеть самые новые баллады, если только его впустят, накормят и позволят переночевать.

Блонделю в этом смысле было легче – он был и вправду трубадуром, на лютне играл не хуже любого музыканта, а баллад и песен знал такое множество, что мог петь их сутки напролет – лишь бы не надоели.

Луи тоже знал пять-шесть последних сочинений и разучил несколько песенок, которые появились на свет в лагере под Птолемиадой. При этом слух у него был далеко не безупречный, да и на лютне он умел скорее бренчать, чем играть: Блондель показал ему основные переборы струн, и смысленный рыцарь их запомнил.

Тем не менее у него все получалось. Луи здраво рассудил, что в Германии, где бродячие миннезингеры появились менее сотни лет назад³², а тем паче в таком диковатом месте, как Штирия, сыщется не так уж много знатоков и ценителей музыки. А значит, его скромное умение что-то сбренчать и потихоньку, изображая непрошеную простуду, спеть пару песенок будут приняты за истинный талант.

В обоих замках жили женатые бароны, а у второго барона к тому же имелись целых четыре дочери, так что появление красивого белокурого музыканта (да еще из Франции, которая, как все знали, и научила немцев петь баллады) было встречено с восторгом. И никто не воспрещал Луи бродить по всем галереям и закоулкам. Напротив, ему с гордостью показывали все, чем он интересовался. Владельцы попались явно не из тех, кто скрывает тайны, и уж подавно – не из тех, кому их доверяют. И слуги здешние оказались достаточно болтливы. Правда, по-французски они совсем не понимали (их хозяева, по крайней мере, могли связать вместе пару-другую фраз), зато жестами изъяснялись красноречивее любого итальянца.

Нет, появившись в Штирии загадочный пленник, о нем знали бы и говорили бы. Это стало ясно Луи уже на второй день путешествия по скромному герцогству.

Другое дело Австрия, вотчина и цитадель главного недруга Ричарда Львиное Сердце – герцога Леопольда Австрийского. Луи с Блонделем вначале бродили по ней вдвоем и удачно выдавали себя за трубадуров, тем более что Блондель даже знал немного по-немецки. Потом было решено, что Луи отправится в Штирию, а после вернется к границе двух герцогств, и в небольшой деревушке, расположенной на склоне горы с заносчивым названием Штольцберг³³, будет ждать появления своего товарища.

И вот Луи торчал на постоялом дворе уже третьи сутки, а Блондель пока не появлялся.

В это утро графа разбудил крик петуха. Петухов здесь жило несколько, и они орали, как им положено, с рассвета чуть ли не до полудня. Но к таким воплям Луи привык – в замке Шато-Крайон петухи были, пожалуй, даже поголосистее. Однако в этот раз настырная птица взлетела на крышу приземистого деревянного дома, который при большом воображении можно было назвать двухэтажным (его первый этаж попросту врос в землю, а окна второго прятались под свисающей с кровли соломой), с крыши перелетела на распахнутый ставень окна (окна как раз той комнаты, в которой ночевал Луи!) и заорала таким дурным надсадным голосом, что молодой человек буквально вылетел из постели.

³² Искусство миннезингеров появилось в Германии после Первого крестового похода, когда вместе с войсками проходивших через территорию страны франков на германских землях появились французские трубадуры. Их песни и баллады, игра на лютне так понравились местным жителям (и народу, и знати), что вскоре здесь объявились свои музыканты-сказители.

³³ Штольцберг – в переводе с немецкого «гордая гора».

Прерванный сон как будто еще продолжался – рыцарь протянул руку к мечу и уже схватился за рукоять, готовый вырвать оружие из ножен, но сообразил, что биться не с кем: он находился в небольшой комнатушке под низкими стропилами, крытыми жердями, и сквозь щели между этих жердей повсюду торчала все та же солома. Кроме убогой, но опрятной кровати, тут имелся сундук, внушительных размеров, но со сломанным замком, и табурет, такой прочный и надежный, словно он достался хозяину постоялого двора еще от давних-давних предков. Обычно в этой комнате на этой кровати спали двое-трое постояльцев, а четвертый, видимо, довольствовался сундуком, но сейчас путников было мало, и молодому рыцарю повезло. Зато не повезло хозяйке – еще накануне она сама ночевала в этой комнате, отдыхая от пропахшего чадом и потом нижнего помещения. Возле кровати стояла плошка с водой и торчала лучина на подставке, а на окне, позабытый в спешке, лежал клубок толстых синих ниток с воткнутыми в него спицами.

На массивном табурете были сложены куртка, плащ и шляпа «трубадура», рядом валялась сумка и стояла аккуратно прислоненная к ней лютня. Что до меча, то у Луи были сперва большие сомнения, брать его или нет: все же бродячему музыканту меч вроде не полагался. Но Блондель убедил товарища: времена теперь беспокойные, и многие странствующие трубадуры, менестрели, миннезингеры, где бы и как бы они ни назывались, носят при себе не только лютню, но и оружие. Правда, меча с рыцарским девизом «Сражаюсь во славу Креста!» граф, само собой, в дорогу не взял. Меч при нем был простой, короткий, с широким плоским клинком – такие носили и люди из простонародья – ремесленники, которым случалось везти свой товар из города в город на ярмарку, воины из рыцарских дружин, разбойники на лесных дорогах... У этого меча имелась лишь одна особенность, которую невнимательный взор нипочем бы не выделил: рукоять была обшита мягкой замшей, по краям украшенной шелком, а посреди очень мелкими буквами была вышита надпись: «Да хранит Бог того, кто рискует во имя справедливости!»

Луи поднес меч к лицу, взглянул на эту надпись и осторожно коснулся ее губами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.